

К 84(2Рос-Руч)6-4
А67

Маргарита Анисимкова

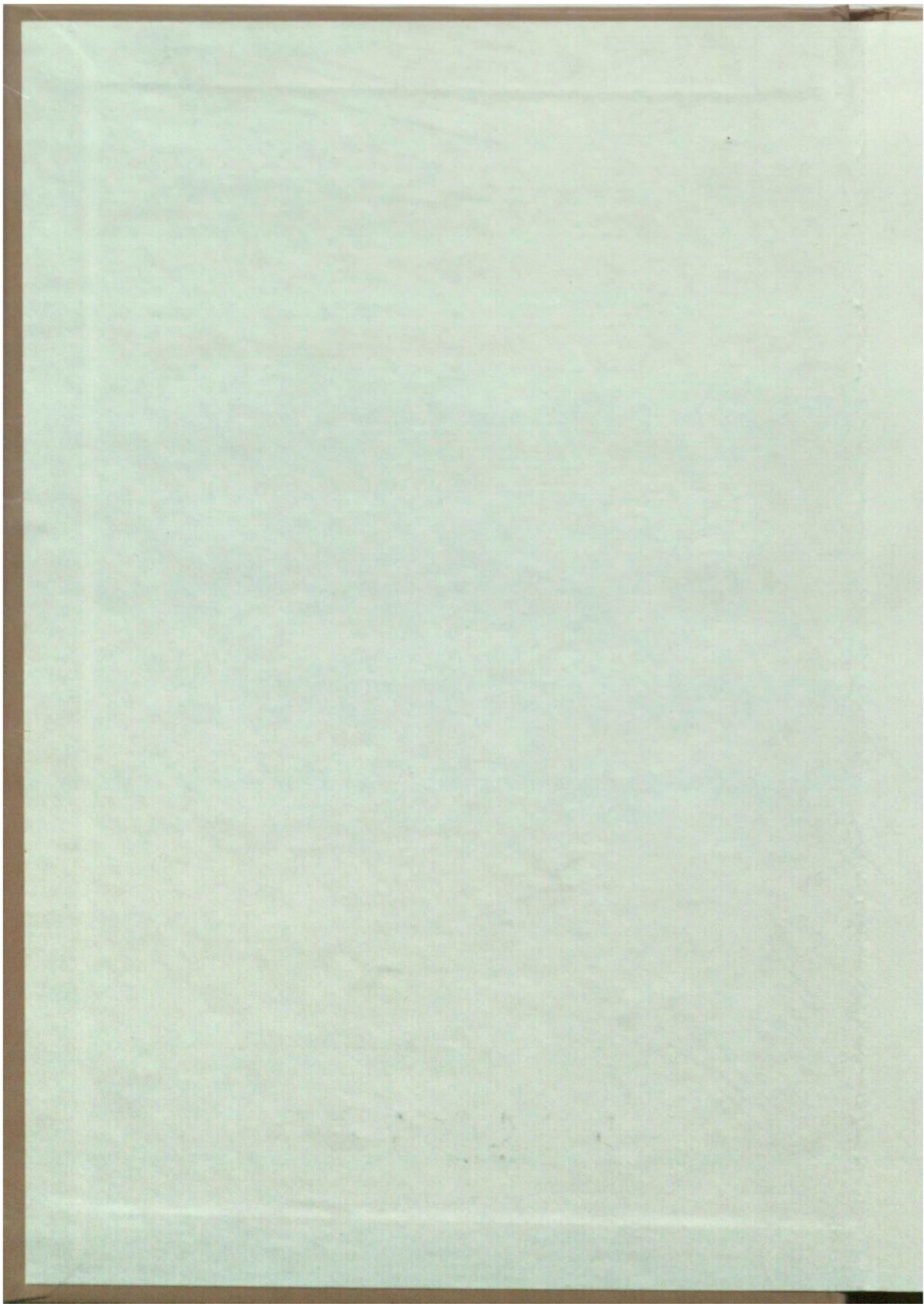

Невероятные
приключения
Возула
Ероффея Анямова

РАССКАЗЫ

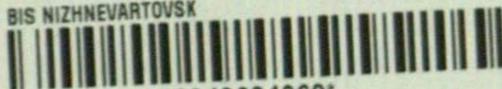
МУЗЕЙНОГО ЗІЕСР СЛОКУ
ВОЗВУШЕНУ НЕЦОЖЕ
КНИЖУНО ДІЯВЕРІП

Невероятные

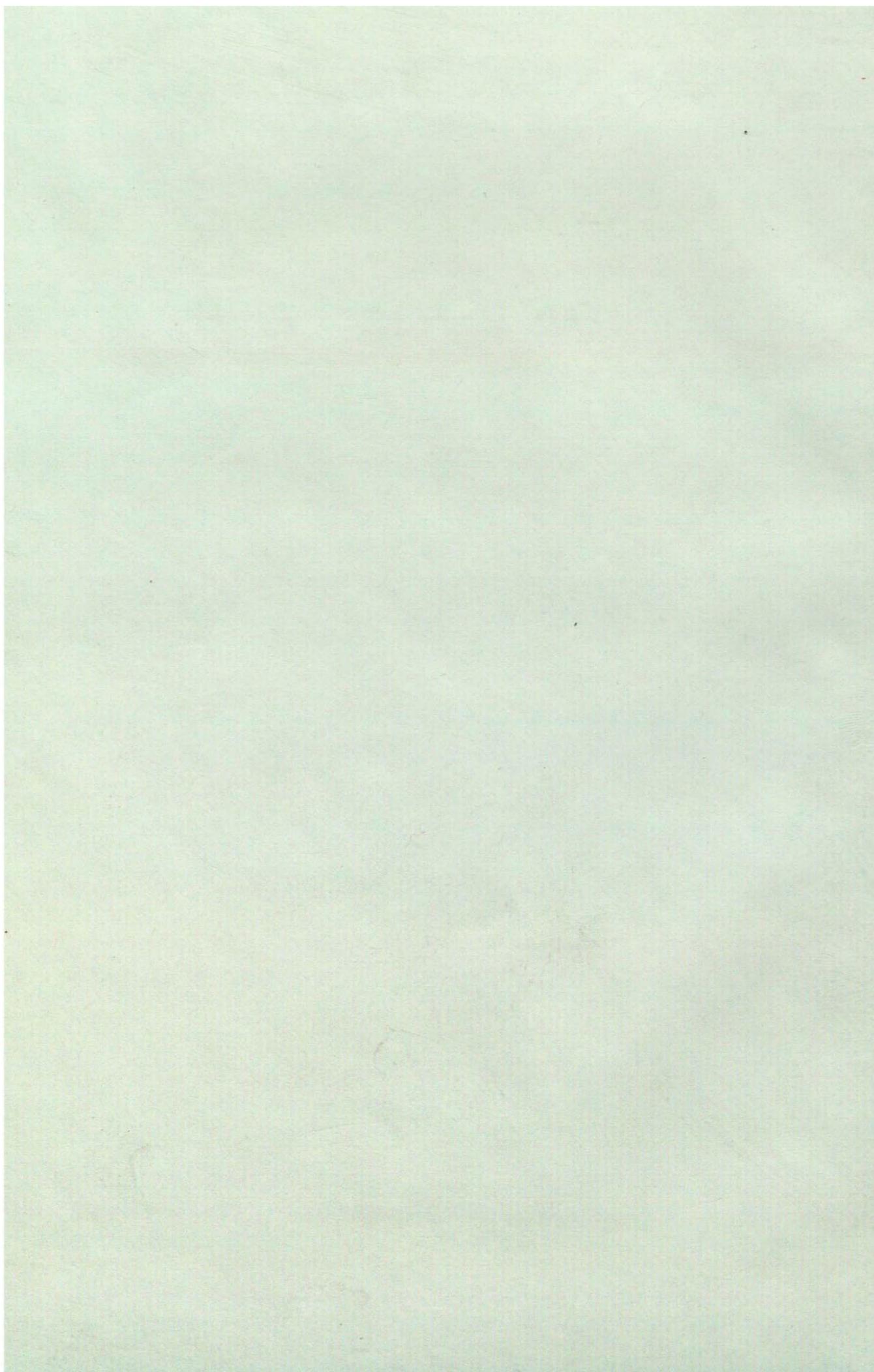
приключения Александра

Бориса Дьямова

BIS NIZHNEVARTOVSK

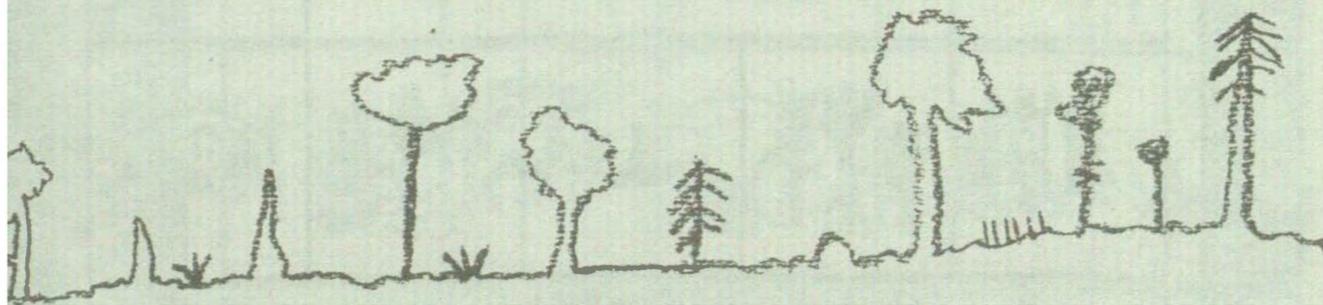

2919631060

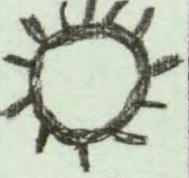
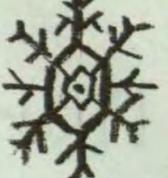
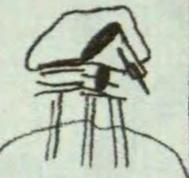
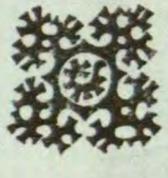
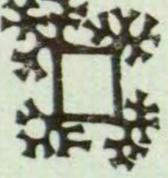

Маргарита
Анисимкова

Невероятные
приключения вогула
Ерофея Анямова

				
				
				
		<p>СИСТЫЙ СМЕХ!</p>		
				
	<p>Издательский дом «ПАКРУС» Екатеринбург 2010</p>			
				

К 84(2Рос-Руч)6-4
А67

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МБУ «БИС»
ИНВ.№ 176828/5-5-КО

ББК 84(2Р-253.3)

А 67

Автор выражает глубокую
признательность и благодарность
за финансовую поддержку
Администрации Нижневартовского района
и лично главе района
Борису Александровичу Саломатину,
ОАО «Ханты-Мансийский банк»
и лично его президенту
Дмитрию Александровичу Мизгулину

ISBN 978-5-91700-003-9

© Анисимова М.К., 2010
© Курач Н.Г., 2010
© Издательский дом «Пакрус», 2010
© Морозов А.А., оформление, 2010

Уважаемые читатели!

Бывало ли у вас такое — и книгу хочется скорее дочитать (уж очень интересна!), и отсрочить с ней момент прощания. И вот уже последние страницы шелестят, близится финал, развязка, конец таинства, а вы всё пытаетесь растянуть удовольствие. Цедите раз за разом — по страничке в день. Устраиваете короткие свидания, чтоб не расстаться сразу.

Если чувство это вам знакомо, значит, вы понимаете цену хорошей книге. А потому с особым чувством мы предлагаем вашему вниманию новое произведение писательницы Маргариты Анисимковой, «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова». Конечно, по любой теории вероятности и невероятности всего того, что главный герой книги рассказывает в своих байках, не может быть. Однако веселый нрав его, находчивость и желание рассмешить друзей обгоняют любые нарекания скептиков.

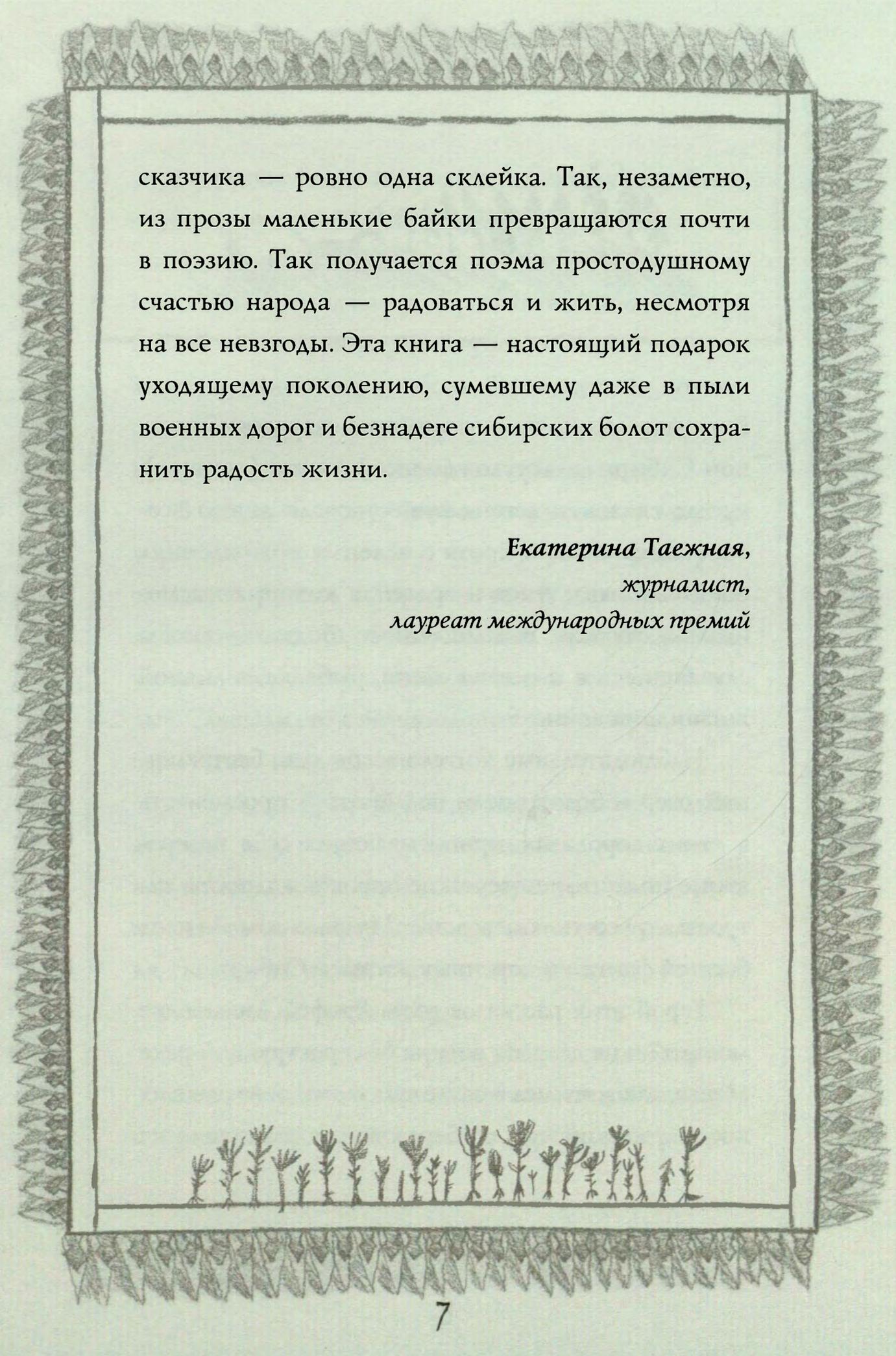
Рассказы Ерофейки — маленькие и ладные — как бусы из баранок, но не торопитесь сразу их отведать. Набирайте по пригоршне искрометного народного юмора каждый день — вот вам и рецепт

душевного здоровья. Тем более темп повествования тому способствует — и динамичный, и ровный, и очень даже честный. Байки смекалистого вогула хоть и имеют самостоятельный сюжет, в итоге ярко схлестываются, как симфонические темы.

И кто посмеет обвинить Ерофея Анямова во лжи, если рассказы его — невероятно легкие и задорные — вызывают у слушателей смех, словно щекоча саму душу? Такой вот персонаж получился у Маргариты Анисимковой — и враль вроде, и не без греха, а все равно в каждой строчке к нему чувствуется авторская нежность и понимание. Уж Анисимкова-то знает, что Ерофейка ее просто озорует со собственным вогулам обаянием, а обаяние-то — ведь не клюква, не раздавишь.

Вот и герой совершенно нового жизнеописания коренных народов Севера мелко не плавает — если с кем и водит дружбу, то с высшими чинами, если ворочает — то горы, если пускается в пляс, то со стерлядками. А что правда, что вымысел — гадайте сами.

В книге «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова» — от горьких слез по умершим на войне — до счастливого смеха от выдумок рас-

сказчика — ровно одна склейка. Так, незаметно, из прозы маленькие байки превращаются почти в поэзию. Так получается поэма простодушному счастью народа — радоваться и жить, несмотря на все невзгоды. Эта книга — настоящий подарок уходящему поколению, сумевшему даже в пыли военных дорог и безнадёге сибирских болот сохранить радость жизни.

*Екатерина Таежная,
журналист,
лауреат международных премий*

В устном народном творчестве народов Западной Сибири — вогулов (манси), ханты (остяков), кроме сказок и легенд существовало много всевозможных баек и притч о нелепых похождениях болтливых хвастунов и вралей, в которых высмеивались чудеса, вымышленные подвиги, якобы случавшиеся с ними на охоте, рыбалке, в личной жизни и на войне.

Наблюдательные жители лесов, рек, бесчисленных озер и болот умели подмечать и просмеивать в своих сородичах, приписывающих себе невероятные подвиги, человеческие пороки: жадность, хитрость, трусость, хвастовство. Их рассказы — плод богатой фантазии коренных жителей Сибири.

Герой этих рассказов вогул Ерофей Анямов, не молодой и не старый, жил на быстроструйной реке Манье, как все, имел в пауле чум, сшитый из оленьих шкур, а легкий чум из березовой коры ставил на

берегу речки. Вдали же от пауля, в лесу, у него была срублена охотничья избушка.

Летом рыбачил, запасал рыбу не только для семьи, но и оставлял на прокорм охотничьим собакам. Зимой на оленьей упряжке уезжал в тайгу на промысел пушного зверя: соболя, белки, куницы, горностая, за которыми сначала приезжали и вели торги купцы, позднее — заготовители пушнины.

В пауль к чуму Ерофея подъезжали многие упряжки еще и потому, что Ерофейка умел рассказывать разные истории из своей жизни, о своих приключениях. Особенно он был красноречивым, угостившись несколькими глотками «огненной воды». Слушали его с великим интересом, верили и не верили, но смеялись много.

— Ай, да Ерофей! Ай, да выдумщик! — подбадривали его, и он, подбодившись, рассказывал, как к нему с неба спускал золотую цепь сам Торум; как из болота он вытащил огромного лося; как шапка, сшитая из лисьей шкуры, соскочила с его головы и побежала догонять зайца....

— Да врёт он все! — кричал рыжебородый парень.

Ерофейка не терялся, одергивал подол малицы, поправлял висевший на поясе колчан со стрелами

и отвечал по-русски, как умел: букву «ч» заменял буквой «с» (чистый — систый), «з» — «с» (земля — семля), «б» — «п» (белка — пелка), «х» — «к» (хохотал — кокотал), «г» — «к» (голова — колова), но все понимали его и еще больше смеялись.

— Молодес, Ерофейка! — хлопал себя Ерофей по груди. — Скаши, — обратился он к парню. — Как шить бес смеха?

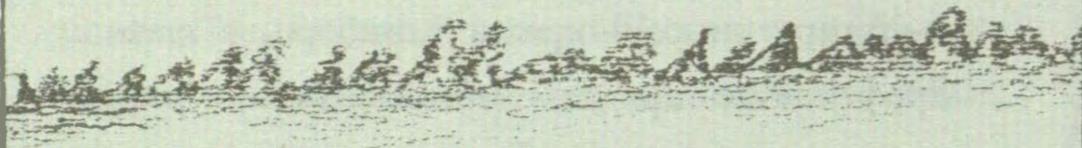
Вокруг засмеялись еще громче: «Ха-ха-ха!»

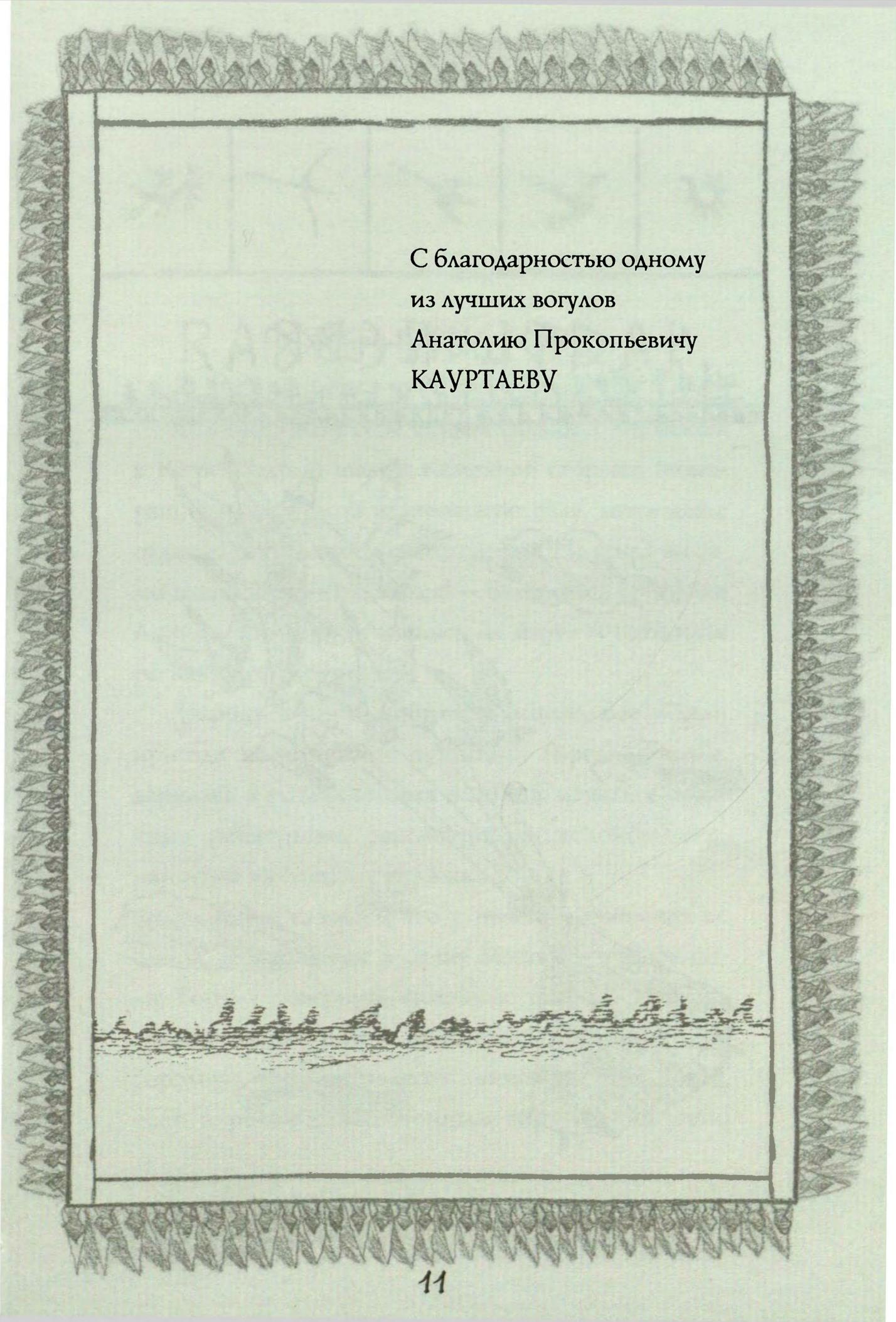
Смутился парень, стал чесать затылок.

— Систый смех! — проговорил Ерофей. Это было его любимое выражение. Так он выражал свое радостное настроение.

А вы, ребята, не верите рассказам Ерофейки Анямова? Сможете назвать его самым смекалистым, добрым, находчивым человеком на Югорской земле? Судите сами.

Автор

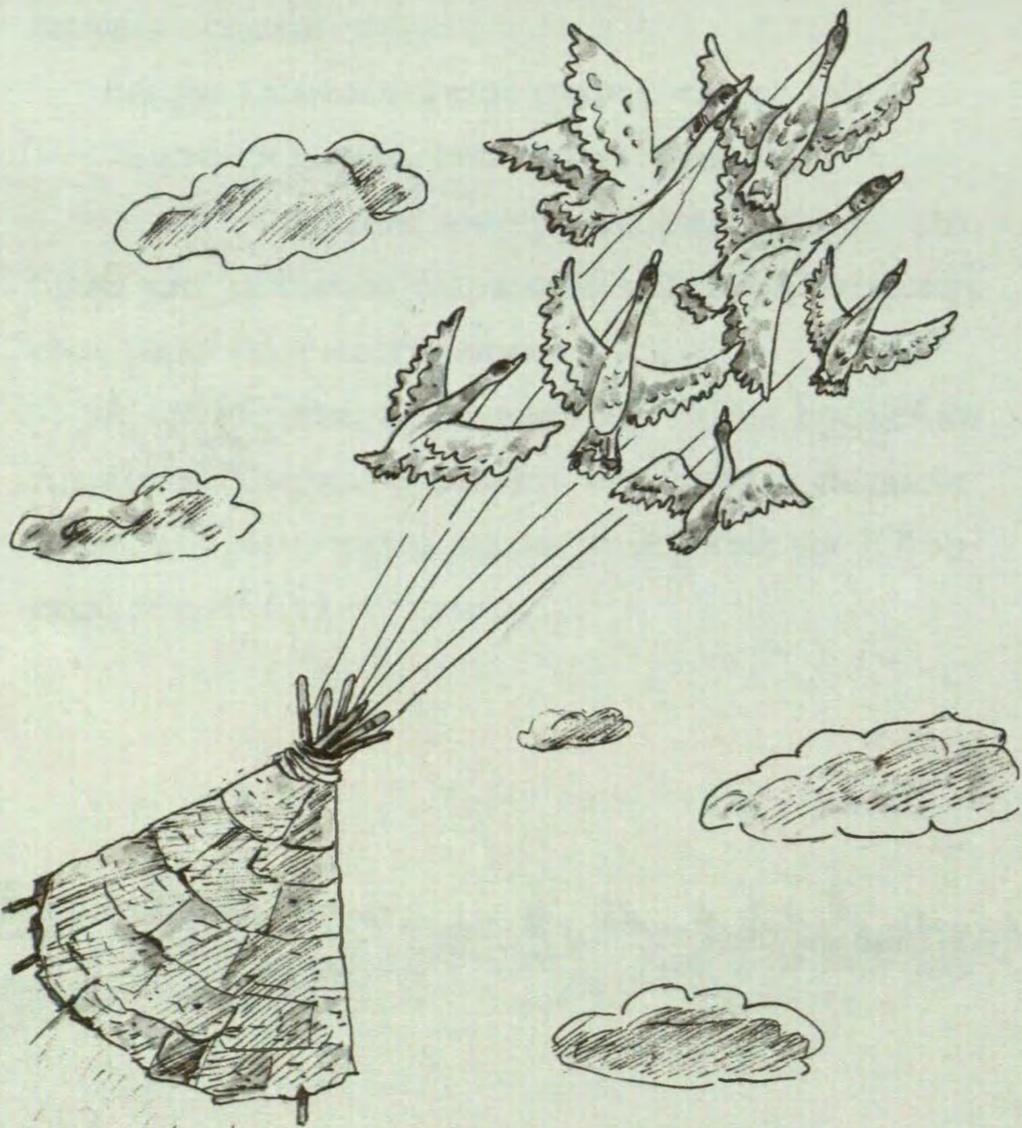

С благодарностью одному
из лучших вогулов
Анатолию Прокопьевичу
КАУРТАЕВУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОВЕРНУТЫЕ ГОРЫ

— Я могу назвать себя самым сильным человеком в Югре, мудрый шаман Каменной стороны Монорага, увидев во мне невероятную силу, хотел даже отдать мне свой бубен с колотушкой. Но я, как вы сами догадались, — отказался! — бахвалился Ерофейка Анямов, горделиво усевшись на нарте и натягивая тетиву на охотничий лук.

Народу в пауле собралось много. Все ждали приезда приемщиков пушнины. Горели костры, варилась в котлах свежая оленина, играли с собаками ребяташки, рассматривали колокольчики, нашитые на оленьих упряжках.

— Мне казалось, что я ничего особенного не сделал, только помог шаману Монораге и Небесному Торуму повернуть каменные глыбы. Мне это ровным счетом ничего не стоило. Я, как и все мои сородичи, живу среди лесов, многочисленных болот, озер и рек, а к высоченным горам подъезжаю

редко. Какой толк от этих каменных глыб, на которых деревья не растут, ягоды не родятся и зверье не водится? Есть только одна польза — у подножия хороший мох — ягель — растет. Туда на все лето пастухи со всей округи гонят олени стада отдыхать и нагуливать жир. Но Монорага, видать, побольше миня знает о тайне гор... Когда он с бубном и колотушкой забрался на вершину горы, поближе к Торуму, я нечаянно оказался у подножия и услышал: «Ерофейка, ты че стоишь? Помогай горы поворачивать!»

Я, недолго думая, со всей силы уперся плечом в громадную глыбу. И че вы думаете? Послышался гром, горы закрипели, загрохотали, и с высоты на землю повалились, посыпались камни. Я мог бы, конечно, погибнуть под камнепадом, но сумел вовремя увернуться и продолжил толкать гору.

Монорага грохотал бубном, прибавляя мне силы.

Целых семь дней я не пил и не ел, поворачивая горы. И вдруг в расщелинах промелькнул свет, потоком хлынула вода. Я успел отскочить. И даже не заметил, как очутился рядом с Монорагой...

— Ну вот! — сказал шаман с облегчением. — Спасибо, Ерофейка. Такие горы помог повернуть! — И передал мне свой бубен с колотушкой. — Теперь

по всем расщелинам реки потекут, люди тропы проторят и станут к своим братьям за Камень в гости ходить.

Но я этому не придавал значения. Я просто помогал.

ВСТРЕЧА С ОСЕТРОМ

— Беззаботно плыву на своем обласке по реке Манье. Жарко. Рыба в воде играет, плещется, только чешуйки сверкают серебром.

Вдруг, откуда ни возьмись, на небе показались темные облака. Загремел гром, засверкали молнии, и обрушился ливень. Река сразу вышла из берегов, волны закружили облас и понесли меня к расщелинам скал. Я и глазом моргнуть не успел, как очутился на просторах могучей Оби. Держусь за край обласа, думаю: волны захлестнут облас, а я плавать не умею. Вижу: по середине реки плывет большущий осетр, поболье моей лодки. Раскрыл он рот и вмиг проглотил ее. Я, конечно, не испугался, оказавшись на скользкой спине рыбыны, схватился за крепкие плавники осетра и стал ладонью хлестать его по выпученным глазам, пинать пятками по бокам. Осетр, видать,

рассердился и начал нырять: то ко дну спустится, то наверх всплывет. А рыбы в Оби великое множество — хватают меня за ноги, за штанины, одна даже хапнула за руку.

Я кричу осетру: «Вези меня на Манью-реку!», а он будто не слышит. Носится вдоль и поперек реки и вдруг как фыркнет! Брызги полетели во все стороны, у меня шапка с головы слетела, и изо рта осетра мой облас вылетел. Я от радости стал бегать по спине осетра, да, изловчившись, прыгнул прямо в облас — и скорее домой!

Ну, прямо, систый смех со мной приключился!

ПЛЯШУЩИЕ СТЕРЛЯДКИ

— Когда осетр таскал меня на своей спине по Оби, среди множества рыб я заметил красивеньких рыбок, без чешуек, с остренькими носами. Такие в нашей Манье-реке не водятся. Осетр называл их стерлядками.

Поскольку я человек любознательный, то непременно захотел узнать об этих обитателях речных просторов все доподлинно. Недолго раздумывая,

оказался я на крутом яру Оби и стал посвистом звать осетра.

К берегу приплыло великое множество этих речных великанов. Отталкивая друг друга, они упирались носами в берег. Я вскочил на их скользкие спины, толстые, как бревна, и спросил: где живут рыбки с красивыми носиками?

Осетры стали переговариваться между собой, пускать изо ртов пузырьки. Их разговор я разобрать не смог, но увидел, как на противоположном берегу, возле песчаной косы, вспенилась вода, будто вскипела в котле. Пригляделся, а там резвились стерлядки, кувыркались, плескались, ныряли, показывая белые брюшки.

Несколько из них выпрыгнули на песок, закувыркались. Тут я не стал долго раздумывать, вытащил из облака санквольтап, который всегда со мной, и, размахнувшись, бросил его на песчаную косу. Одна из стерлядок захлопала плавниками по струнам. На берег стали выпрыгивать остальные и плясать «Куреньку». Они, наверное, пели, так как разевали рты, но я не расслышал. Признаться, я был готов вместе с ними пуститься в пляс, но передумал. У меня в это время болело колено. Сидя на яру, я хлопал в ладошки и посвистывал.

Ну, прямо систый смех с этими рыбками!

ВЫВОДОК УТЯТ

Когда стерлядки плясали, я, заслушавшись, присел между двумя кочками и не разглядел, что подо мной утиные яйца. Правда, заметил, что над моей головой летала гагара и громко крикала. Но сами знаете, сколько уток прилетает в наши края вить гнезда! И сколько гаму от них! Не стреляя, палкой я мог сшибить их несчетное число, но побоялся, что не дотащу их до чума, чтобы ощипать. Так и сидел, не обращая на крик гагары никакого внимания.

А стерляди стали мне казаться танцующими в бабьих платьях и вроде как к себе звать. Я вспомнил про осетра и готов был просить его перевезти меня к песчаной косе, к стерлядкам. Только я поднялся с кочки, из-под меня стали вылетать один за другим желтенькие утятки. Оказалось, за это время, что я сидел на гагарьем гнезде, птенцы успели вылупиться.

Мать-гагара гогочет над моей головой, а утятки пицят возле моих ног — шагу не дают сделать, норовят под лузан спрятаться, в рукава лезут и материнского зова не слышат. Я побежал от них к обласу, а они за мной. Из-за них я и потерял из виду пляшущих на песке стерлядок.

Ну, прямо систый смех с этими утятами!

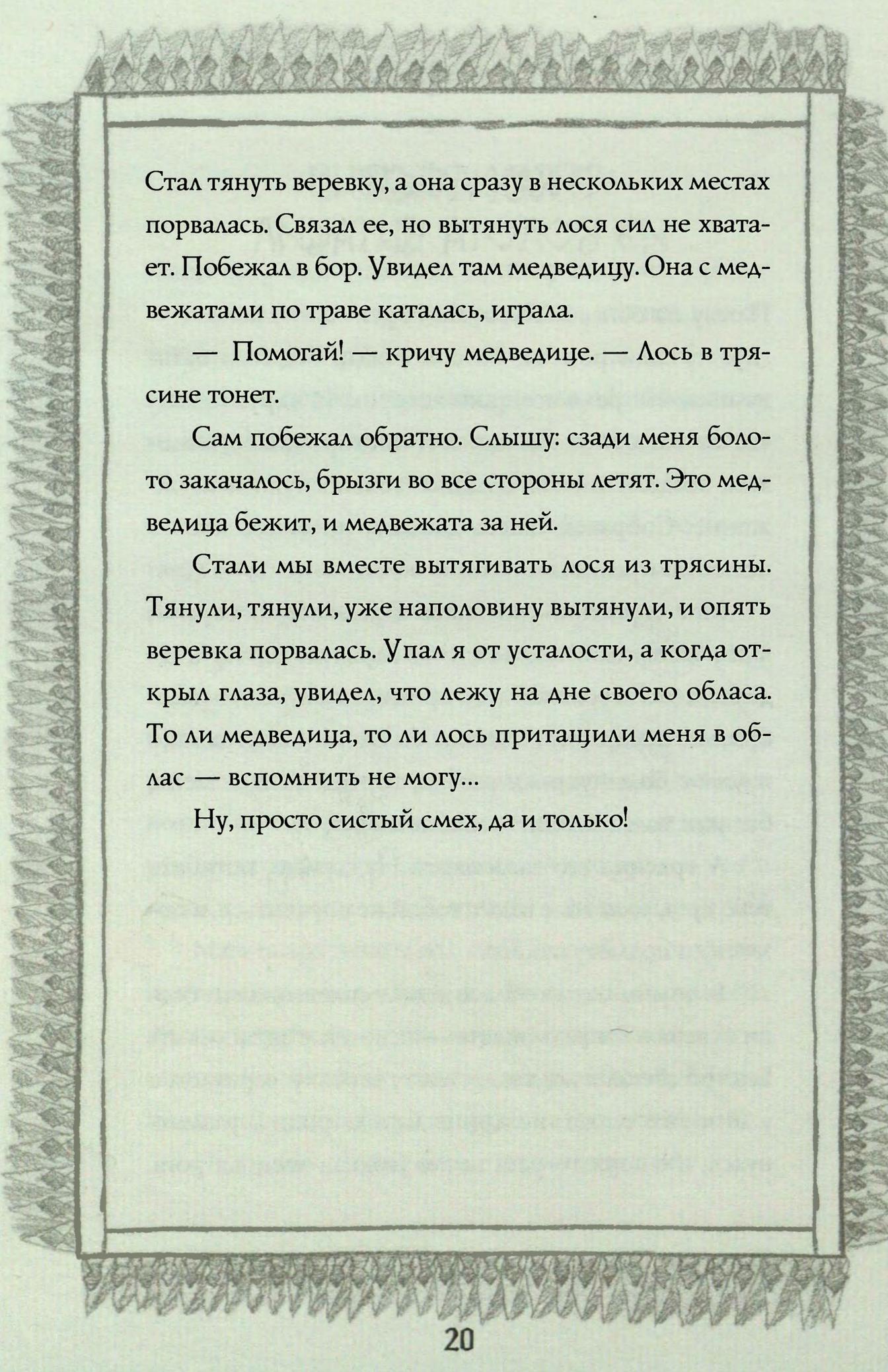
КАК ЛОСЯ ИЗ БОЛОТА ВЫТАЩИЛ

Плыву на обласе. Жара. На берег выйти нельзя — гнус тучами роится. Того и гляди, без глаз останешься. На реке все-таки ветерок. И вдруг слышу чье-то жалобное мычание. Я насторожился, положил весло. Тишина, слышно только нудное жужжание. Собрался плыть дальше, но опять кто-то жалобно промычал.

Мое терпение кончилось. Выскочил на берег и вижу: в болотной жиже кто-то барахтается. Пригляделся, а это огромный лось провалился в болото и выбраться не может. Подхожу ближе, а у лося только голова с большущими рогами торчит. Увидел меня, бедняга, замычал еще жалобнее.

А трясина его засасывает. Ну, думаю, погибать тебе тут, лось. Мне ведь с тобой не справиться, а позвать на подмогу некого.

Вспомнил, что в обласе лежит сплетенная из осочки веревка. Вы ведь знаете — человек я запасливый. Быстро сбегал к лодке, достал ту веревку, вернулся, а у лося уже только ноздри видать да рога. Я размахнулся, и с первого раза петля угодила лосю на рога.

Стал тянуть веревку, а она сразу в нескольких местах порвалась. Связал ее, но вытянуть лося сил не хватает. Побежал в бор. Увидел там медведицу. Она с медвежатами по траве каталась, играла.

— Помогай! — кричу медведице. — Лось в трясине тонет.

Сам побежал обратно. Слышу: сзади меня болото закачалось, брызги во все стороны летят. Это медведица бежит, и медвежата за ней.

Стали мы вместе вытягивать лося из трясины. Тянули, тянули, уже наполовину вытянули, и опять веревка порвалась. Упал я от усталости, а когда открыл глаза, увидел, что лежу на дне своего обласа. То ли медведица, то ли лось притащили меня в облас — вспомнить не могу...

Ну, просто систый смех, да и только!

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ, СПУЩЕННАЯ С НЕБА

Наступала осень: подули ветра, повалил мокрый снег. Пришла пора перегонять оленей от подножия гор, где они пасутся летом, на болота, богатые ягелем.

Иду, люблюсь лесом, слушаю, как перешептываются деревья между собой, провожаю взглядом караваны птиц, улетающих на зимовье в теплые края. Долго шел. Обрадовался, когда вдали горы показались. Думаю: поймаю оленей, запрягу упряжку и домой помчусь. Устал шибко, бродни порвались, на ногах мозоли натер. Ищу оленей и ни одного следа увидеть не могу. Неужели всех волки съели? Без оленя человек — сирота. Стою среди каменных глыб, гляжу на небо и вижу: прямо ко мне спускается золотая цепь. Видно, сам Торум пожалел меня.

Я, недолго думая, схватился за эту цепь, и она стала поднимать меня на небо. Крепко держусь, только ноги болтаются.

Я с испугу и крикнуть не успел, увидел землю, усыпанную снегом, чумы, стоявшие по берегам рек, и свой чум, и избушку. Красота вокруг! А цепь

поскрипывает, раскачивается, поднимает меня все выше и выше. У меня дух перехватило. Вдруг вижу: между ложбинами мое стадо в кучу сбилось, я сразу узнал своих оленей по выжженной тамге на ушах, да как закричу: «Вот они где! Спускай миня обратно!».

Цепь остановилась, стала раскачиваться из стороны в сторону, я начал кричать: «Нашлись мои олешки, памасибо тебе!» И цепь стала спускаться. Скоро я очутился в стаде, запряг упряжку и скорее — домой!

Самого Торума не видел, а только тень руки, держащую цепь. От страха у меня первый раз в жизни душа дрожала.

КАК ГУСИ ЧУМ ПЕРЕТАСКИВАЛИ

Весна пришла ранняя: вода затопила всю округу, реки вышли из берегов. Мой березовый чум волны готовы были сорвать с места, унести неведомо куда. Стою возле чума по колено в воде, горюю, а высоко в небе пролетает караван за караваном перелетных птиц. Торопятся на свои гнездовья.

Летят, гогочут, курлычут, радуются прилету на родину.

Замахал я рукой да как закричу: «Пасе, рума! Пасе, рума!» Тут и подумал: не позвать ли мне караван гусей перетащить мой чум на сухое место? И давай свистеть во все горло, по-гусиному курлыкать. Вижу: вожак стал спускаться, закружил над моим чумом. Тут и вся стая подлетела, да как начали все орать! Я уши мхом заткнул, чтоб не оглохнуть, а сам прошу: «Перенесите мой чум на сухое место!»

Гусыни клювами защелкали, стали щипать стебли прошлогодней осоки и веревки из них плести. Клюют, искоса на вожака посматривают. А он гордо вышагивает, клювом перья на груди пересчитывает, потом уселся на вершину чума и лениво взмахнул одним крылом. Гусыни быстро привязали веревки к вершине чума и по взмаху крыльев вожака подняли с мокрого места мое жилище.

Полетели, стали крыльями небо резать. С чума вода полилась, болотная тина повалилась. Собака Лайка с испугу скулила и еле поспевала за мной...

За излучиной я увидел свой чум, поставленный гусынями на сухом месте. Собрался угостить гусей овсяными зернами, которые у меня в кармане

остались, но в небе только черные точки виднелись, но и они скоро скрылись из вида. «Ну, прямо систый смех!» — подумал я и пожалел, что не успел сказать птицам хорошие слова.

ПАУТИННЫЕ КРЫЛЬЯ

Ягод уродилось в этот год видимо-невидимо: на болотах — морошка да клюква, в борах — брусника, черника да голубика. Ну прямо ногу поставить некуда, а топтать ягоды жалко. Сел возле куста смородины, стал думать как быть, а ветки от ягод к земле клонятся. Сижу, думаю и вижу: ветки тенетами переплетены. Тронул ветку рукой, а паук-крестовик тут как тут! Увидел меня, глаза вытаращил, усиками шевелит. Вроде ругается. Я и говорю ему: «Давай крылья паутинные мне плети, чтоб мог я над ягодниками летать».

Паук забегал по паутине взад-вперед, забегал по веткам и потерялся из виду. «И че это он убежал? — думаю. — Я ведь одним махом порву всю его паутину. Тогда он помрет с голоду, никакая букашка не станет его добычей». Только так поду-

мал — вижу: со всех сторон по веткам бегут пауки, и за всеми паутина тянется. Очутились они на моей спине и начали обматывать ею мою рубаху. Не успел я опомниться, как между рукавами у меня паутинные крылья выросли. Легкие такие и почти незаметные. Ветерок приподнял меня над морошковым болотом, я и полетел.

Чувствую, ноги над землей болтаются, ступить на землю не могу. Тащит меня ветер над землей. Над всеми болотами я пролетел, в бору долго над ягодниками кружил. Мне уже и надоело — не знаю, как остановиться. Увидел лес. Обрадовался — там-то за любой сучок зацепятся эти паутинные крылышки и порвутся. Да куда там! Потащили меня крылышки над клюквенными кочками, пенькам, усыпанными ягодами. А у меня голова уже кругами пошла, в глазах все потемнело.

Как увидел крышу своей избушки, обрадовался: там вокруг сухары стоят. Они сучковатые, вмиг порвут паутинные крылья. Так и случилось. От паутины только следы липких ниточек на рубахе остались. Зато ни одной ягодки не помял.

Ну, че тут сказать? Сისტый смех, да и только!

МЕДВЕДЬ В ИЗБУШКЕ

Возле моей охотничьей избушки, в которой я бываю только зимой, летом вырастает высоченная трава: только крыша виднеется. Я, конечно, туда дорогу с закрытыми глазами найду. Пробираюсь к ней по затесам и вижу: на деревьях видимо-невидимо векшей носятся по веткам и перелетают с дерева на дерево, резвятся. Увидев меня, запищали, засвистели, захохотали, оскалив белые зубы.

— Че орете? — прикрикнул на них, а они еще пуще смеются. Махнул рукой.

Подхожу ближе к избушке, сильный храп слышу, и дверь распахнута. Вы знаете, человек я храбрый. Не испугался. Перешагнул через порог и вижу: на полу разлегся сам Хозяин леса, голову под лавку спрятал, морду лапами закрыл, да еще на голову крапивную мережу набросил и храпит так, что стены трясутся. Видать, от комаров спрятался. Я толкнул его ногой в бок, медведь даже не пошевелился.

Тут мое терпение лопнуло: стащил с его морды мережу, схватил за ухо и поволок из избушки. Игривые векши перестали кричать и хохотать — присмирели. Вытащил я из избушки непрошеного гостя,

а он как чихнет! Из ноздрей туча комарья вылетела, а меня его чих в траву отбросил.

Я быстро вскочил, опять схватил медведя за ухо и потащил на болото. Налетевший гнус полез в глаза и ноздри Хозяина. Он приоткрыл один глаз да как заревет! Прикрыл медведь лапой ухо, которое я чуть было не оторвал ему, и побежал по болоту — только брызги во все стороны летели.

Ну прямо систый смех с этим Хозяином!

ВСТРЕЧА

Услышал однажды я от мужиков, будто в горах, к подножию которых мы на лето оленей гоняем, есть камни, которые дороже соболиных мехов.

Я долго раздумывать не стал, достал охотничьи поволоки, одна оказалась сломана, пришлось на другой, целой, мчаться к горам. А горы такие высокие, вершины облака режут. Стал приглядываться, думаю: не зря же люди говорят. Пригляделся и увидел на самой вершине лося. Того самого, которого я с медведицей из болота вытаскивал. По-видимому, тогда с испугу он бежал, куда ноги несли, куда глаза

глядели, и оказался он на вершине горы. Теперь бе-
гает по самой кромке, мычит, спуститься не может.

— А теперь че с тобой делать буду? — кричу
ему. — Веревки нету, да и камни — не болотная жи-
жа. Упадешь — сразу все кости переломаешь.

Лось жалобно мычит. Неподалеку по песчаной
косе глухари расхаживают, камушки отыскивают,
я им и кричу:

— Помогайте лосю с горы спустить! Крылья-то
у вас крепкие.

Глухари закурлыкали, защелкали клювами, заго-
ворили между собой по-глухариному.

— Пусть спускается, с камня на камень прыга-
ет, а если оступится, мы ему крылья подставим, —
прокурлыкал старый красноглазый глухарь.

— Спускайся! — закричал я лосю. — Не бойся,
не разобьешься. А если упадешь, глухари помогут.

Только сделал лось несколько шагов, с гор поле-
тели камни, а за ними повалился лось. Умудрились
глухари подставить ему свои крылья, и угодил лось
прямо на мою поволоку.

Бывают же счастливики! Не знаю, куда ута-
щила его моя поволока, только на том месте, где
его копыта земли коснулись, нашел я несколько

камушков, которые, как сказали мне геологи, горным хрусталем называются. Точно знаю, они с лосяных копыт отвалились. Положил я их в карман, все равно в камнях ничего не понимаю, пусть знающие люди разбираются.

Только поволоку жалко, пришлось пешком до своего чума добираться.

ПОЖАР

В то время, когда ветер принес запах гари, я был занят важным делом: выдалбливал из целого ствола осины новую колданку. Со стороны леса слышался топот копыт, крики и рычание зверей, гогот и карканье птиц. А когда из леса с ревом выбежала медведица с подпаленной шерстью, я с разбегу бухнулся в реку. Барахтался в воде недолго, все думал, как погасить пожар. Голова моя светлая!

Забрел поглубже в воду, набрал полные штаны воды, прихватил с собой березовые ведра с водой, встал на новые поволоки и помчался к месту пожара.

Лечу, издали увидел клубы черного дыма над бором. Стал я торопить поволоки. Одна оторвалась

и угодила прямо в огонь. Можете представить, какой ужас охватил меня! Но я сразу нашелся: достал из кармана нож и стал протыкать им штаны, наполненные водой. Летаю над пожарищем, а вода льется.

Пламя зашипело и мало-помалу гаснуть стало. А я все летал и летал. Сам от дыма весь почернел. Но не оставлять же непотушенным пожар. И так столько лесу гибнет!!!

Весь остаток лета смывал с себя копоть да мастерила новую поволоку. К первому снегу у меня уже все было готово к охоте.

КАК Я ЗУБ ПОТЕРЯЛ

Как-то в драке с Микулькой Номиным зуб потерял. Сказав себе: «Ерунда!», нащупал языком пустое место во рту, махнул рукой и направился в пауль.

Люди хоть и не спрашивали ни о чем, а похихатывали. Не мог я вытерпеть насмешек над собой.

— Так разболелся у меня зуб, что в глазах потемнело, — начинал Ерофейка свой рассказ, когда к его нарте подходили любопытные. — День болел, два болел. Я и всякую траву жевал, и водой из разных озер поло-

скал, а он все болит и болит. Вышел из избушки. Лег на поляну, стону от боли. Щека раздулась, рот набок повернулся. Слышу, в стороне дятел из-под коры корм добывает, долбит. Я ему крикнул: «Ты, длинноносый лазун, не знаешь, че делать, если зуб болит?». Дятел перестал стучать, подлетел ко мне и говорит: «Открой рот».

Тут уж я не противился: закрыл глаза, открыл рот.

— Шире, шире открывай! — защелкал дятел.

Я послушался, а сам думаю: как начнет еще мне глаза выклевывать. А боль нестерпимая: корчусь, ногами о землю сучу.

— Ишо шире! — кричит дятел.

А куда шире? Я и так рот чуть не порвал.

В это время дятел уперся когтями в подбородок, захлопал крыльями по лицу, а я заорал во все горло — испугал дятла, а он как дернет зуб, у меня чуть башка не оторвалась. Лежу ни жив ни мертв, потихоньку приоткрыл глаза. Вижу: кружит надо мной дятел с моим зубом в клюве. Покружил, покружил и улетел. Я и слова сказать не мог, лежал, только языком пустое место облизывал.

Не мог же я рассказать всю правду сородичам, да никто бы и не поверил.

Ну, прямо систый смех был с этим дятлом!

ЛИСЬЯ ШАПКА

Пришла зима. Самая пора добывать зверя: шкурки поспели, ворс густой.

Собрался на охоту. Все при мне! Погнал оленей к Уральским урочищам. Ноне в ту сторону соболь подался. Был урожайный год на кедровые орехи.

Олени бегут, из-под копыт снег летит. На душе радостно. Я песни пою, ветру свистеть помогаю.

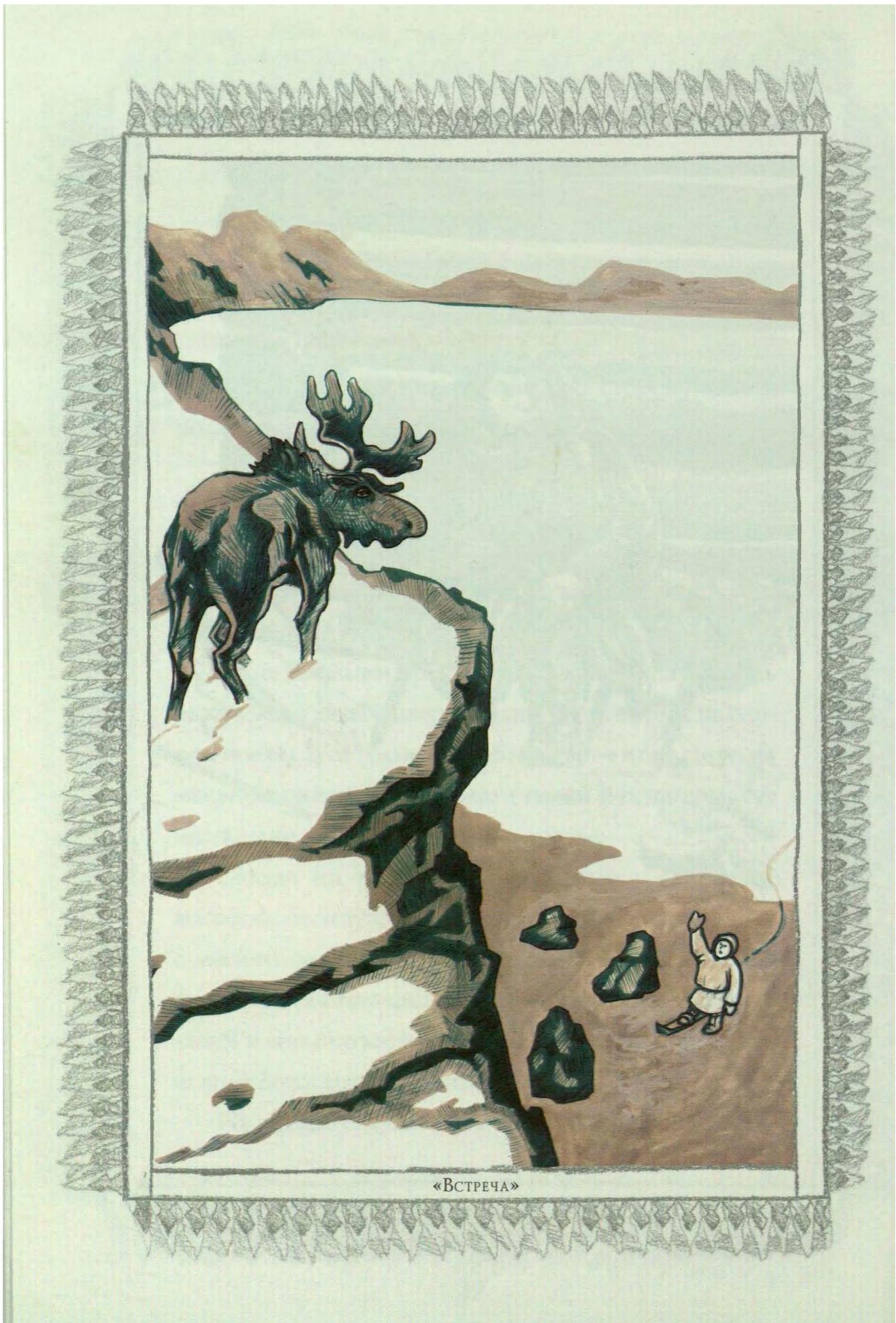
Подъезжаю к Манинскому озеру. Там мелкий кустарник растет. И вдруг чувствую: на голове шапка зашевелилась. (Мы, вогулы, редко шапки носим.) У нас к малице башлыки пришивают. А я в прошлую осень из красивой лисьей шкурки шапку сшил. В ней на охоту и поехал. Я ее только на лоб натяну — а она снова на макушке окажется. Выбежали олени к осиннику, тут шапка уже запрыгала у меня на голове.

Откуда ни возьмись, из-под пенька заяц-беляк выскочил, большущий такой, и бросился бежать. И тут с моей головы спрыгнула лисья шапка и покатилась по заячьему следу. Катилась, катилась и вдруг в лису обернулась. Я и опомниться не успел, как заяц и лиса потерялись из виду. Хотел погнать оленей за ними, да передумал.

Ну, прямо систый смех с этой шапкой!

Ерофей Анямов

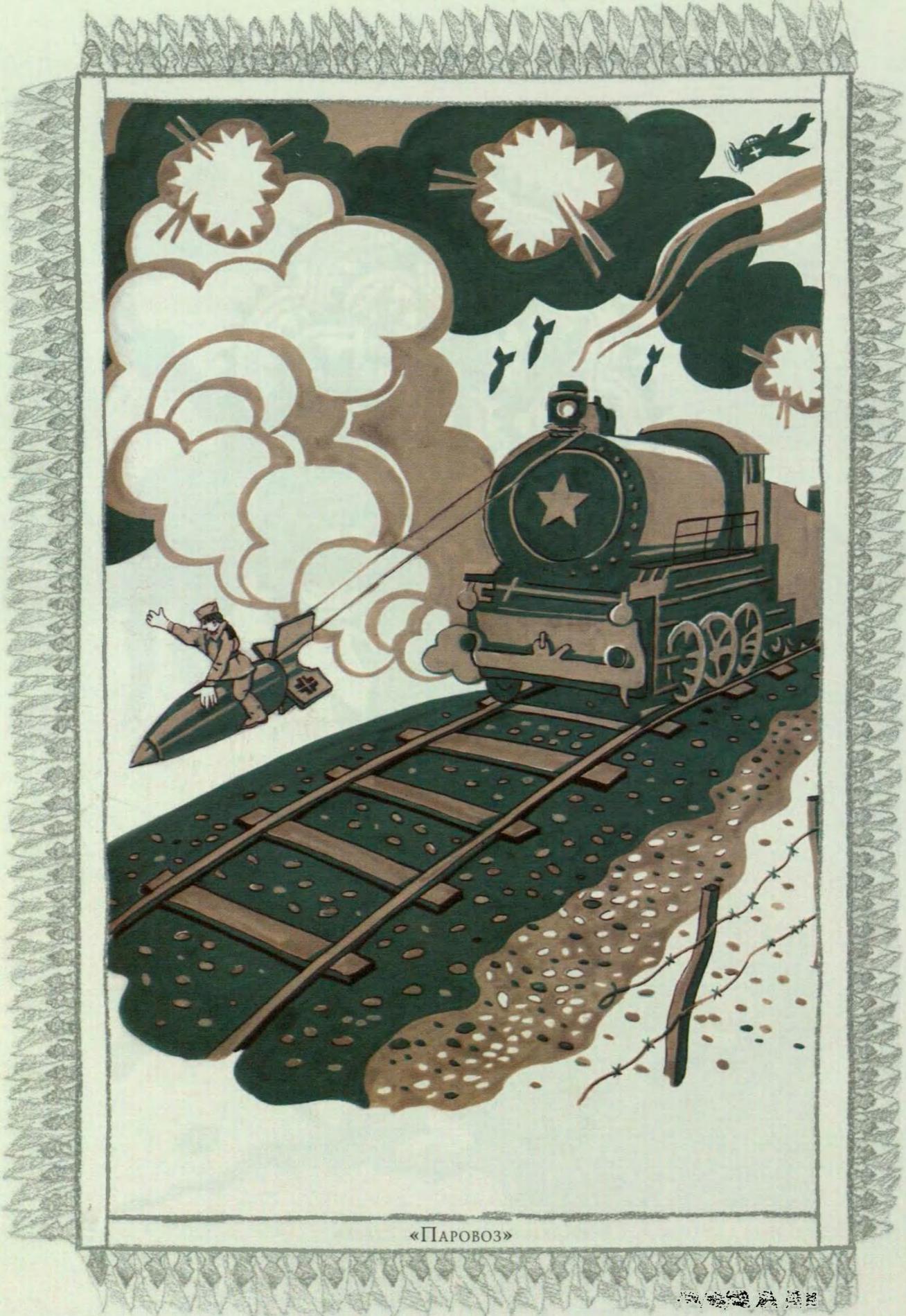

«ВСТРЕЧА»

«Наконечники для стрел»

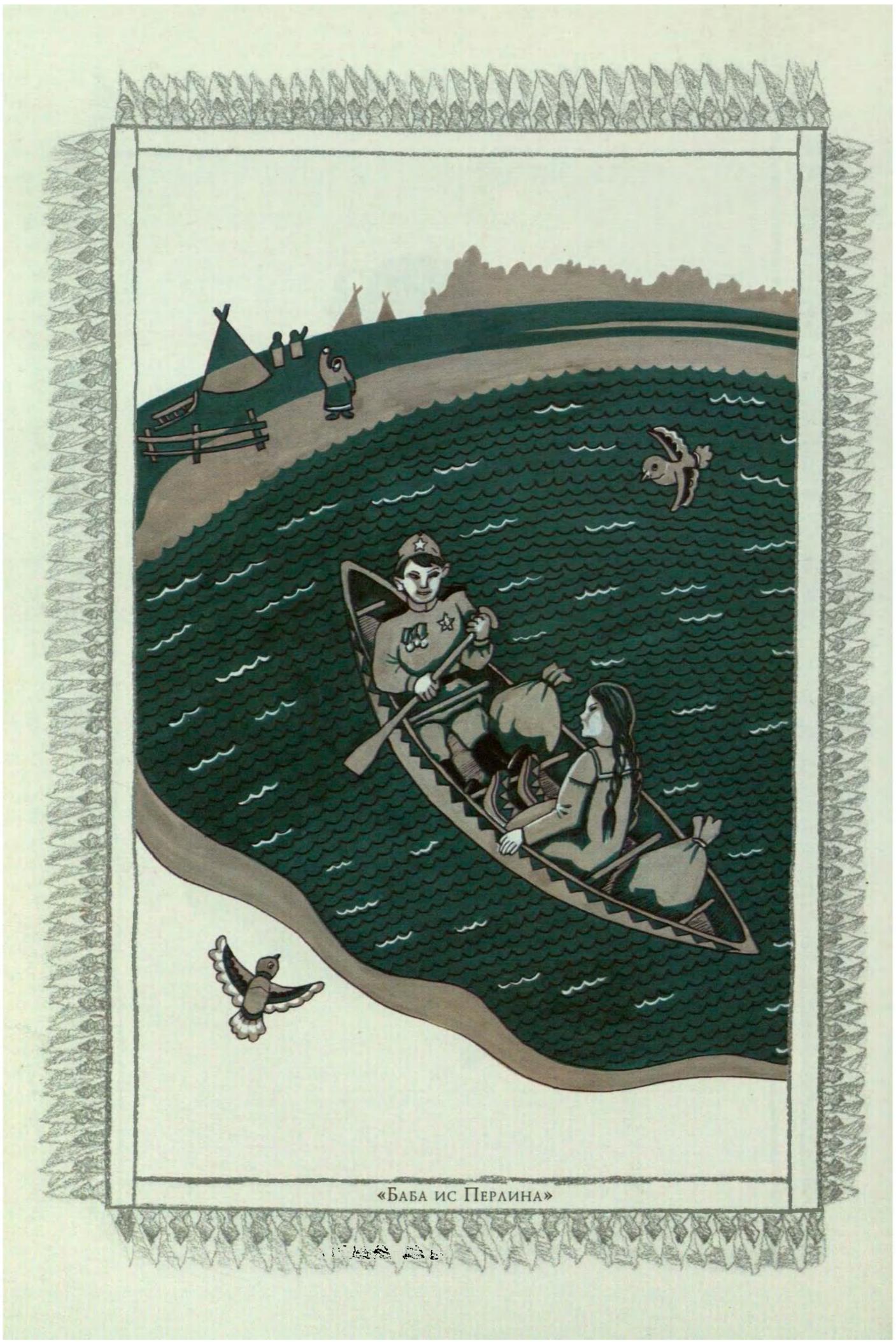
51 81 8

«ПАРОВОЗ»

«Красная площадь»

«Баба ис Перлина»

НАКОНЕЧНИКИ ДЛЯ СТРЕЛ

Всем известно, что мимо меня птица не пролетит, зверь не пробежит, да и деревья вокруг знаю наперечет. Как-то иду ходко по бору, и вдруг кто-то хватает меня за подол малицы. Дернулся, а отцепиться не могу. Посмотрел, — а это какое-то незнакомое дерево своими колючками держит. Хотел рукой отцепить колючки, а они в тело впились.

Откуда такое дерево в наших лесах взялось? Думал-думал и догадался: это дятел мой зуб вырвал, вот он и пророс.

Я быстро достал нож и срубил с того дерева все колючки, сложил в берестяной короб, притащил в избушку и бросил под лавку. Вскоро на охоту ушел. Сколько ден охотился — не припомню, а про колючки забыл.

Возвращаюсь домой, подхожу к избушке и слышу крики. Заторопился. Вижу на пороге соседей — Степку Лявдина и Гришку Самбиндалова, да еще медведицу, лисицу, зайчиху. Над дверями тетерка крыльями машет, глухарь клювом щелкает...

Оказалось, все, кто заходил в мою избушку, обратно выйти не смогли. Крючковатые колючки зацепили их, кого за лапы, кого за ухо, а кого за хвост.

Стоило мне показаться из-за стволов деревьев, как колючки отцепились и спрятались в коробе. Все звери и птицы бросились кто куда. Меня чуть с ног не сшибли, только Степка Лявдин долго ругался погаными словами.

— Экие заколдованные крючья! Сжечь их мало! — кричал он, потирая ухо.

И стал я из каждой колючки наконечники вытачивать. Хотя у нас костяные наконечники только для боевых луков мастерят. А так мы люди мирные, ни с кем воевать не собираемся, но не выбрасывать же добро.

Наполнил колчан стрелами с наконечниками из дерева моего зуба и пошел на охоте испробовать.

Выстрелил в стаю пролетающих уток, и — чудо! Все до единой возле моих ног оказались. Я не поверил глазам.

В другой раз в белку выстрелил, а их великое множество, к моим ногам упала. Мне страшно стало: так можно всех зверей и птиц перестрелять. Переломал я те стрелы и на костре сжег. И дерево с корнем сжег — от беды подальше.

Один наконечник все-таки положил в карман, на всякий случай: вдруг пригодится!

ЛАЙКА

У меня много охотничьих собак: и на белку, и на соболя, и на птицу, но больше всех я любил белую Лайку-медвежатницу. Она была всегда со мной, как топор за поясом. Никогда не путалась под ногами, но стоило мне только чихнуть, как сразу гавкнет, мол, я тута! Однажды мне показалось, что она какие-то слова сказала. Я долго протираю уши болотным мхом, приготовился послушать еще, но ее и след простыл. Убежала.

Скоро услышал лай и свое имя: Е-ро-фей-ка!

Быстро вскочил я на спину лося и понесся в тайгу. Вижу, возле большущего выскиря валяется медведица с перекушенной шеей, в лапах у нее белые клочья шерсти. Поодаль, за кучей хвороста, лежит моя белая Лайка с оторванным хвостом и без задних лап. Жалобно визжит. Вокруг нее бегают два маленьких медвежонка. Все стало понятно: драка была. Потревожила Лайка медведицу в берлоге. Вижу — один медвежонок примостился к животу Лайки и титьку сосет...

Она, увидев меня, заскулила.

Жалко мне свою собаку... Подбежав к медведице, выдернул из ее лапы собачий хвост, в стороне отыскал только одну заднюю лапу, быстро пришил

их медвежьими жилами, сложил медвежат в мешок и понесся на лосе к избушке.

Лайка, хотя и осталась без одной лапы, все равно бегала со мной на охоту, а за ней бегали медвежата, пока не выросли большими.

Ну, прямо систый смех было на них смотреть!!!

ВОДА ИЗ СОРОКА МУХОМОРОВ

В пауле давно ждали приезда шамана Прокопки, верили, что он сможет исцелить охотника Михея, у которого что-то оторвалось внутри после схватки со стаей волков.

Я, по правде сказать, завидовал шаману, надеялся когда-нибудь разгадать его хитрости.

Прокопка приехал в пауль на сытых оленях, в нарядной малице, сразу велел разжечь посередине пауля костер и стал доставать из кожаного мешка бубен и колотушку. Я стоял в стороне и заметил, что Прокопка достал из мешка и небольшой берестяной туюсок. Оглядываясь по сторонам, поставил его возле заднего полоза нарты.

Когда он деловито развешивал оленью шкуру на жердь между двумя лиственницам, я, крадучись, достал

этот туюсок и приоткрыл крышку. В нос ударил такой запах, что я отлетел на окраину пауля. Догадался — это вода из сорока мухоморов, испив которую Прокопка дурет и, танцуя, вызывает разных духов. Не растерявшись, я выпил всю воду из сорока мухоморов и начал дуреть. И такая ярость на меня напала, что готов был одним махом перевернуть все нарты в пауле.

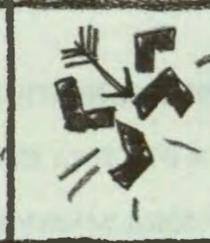
Прокопка в это время готовился к ворожбе: натягивал тетиву, чтобы стрела угодила в натянутую шкуру и на ней появилось кровавое пятно...

Я не оплошал: выхватил из рук Прокопки лук со стрелой и выстрелил в шкуру. Шкура ожила, превратившись в молодую важенку, а у нас с Прокопкой завязалась драка. Мы дрались до самого заката солнца.

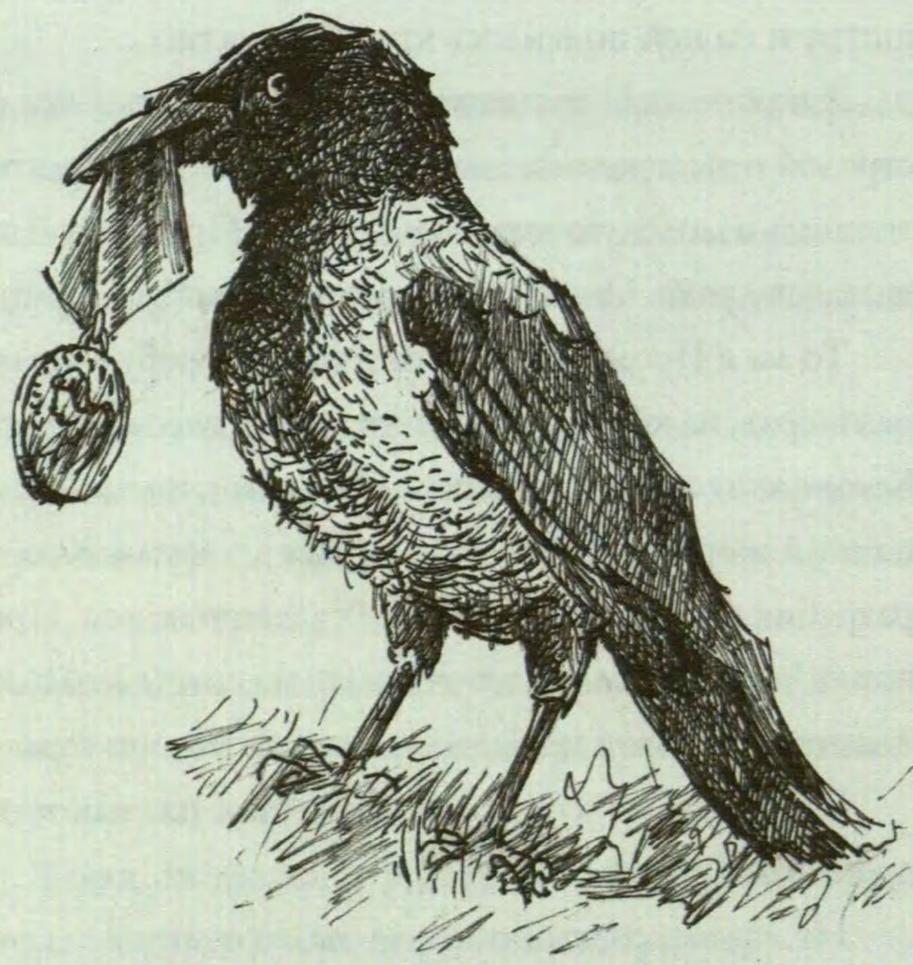
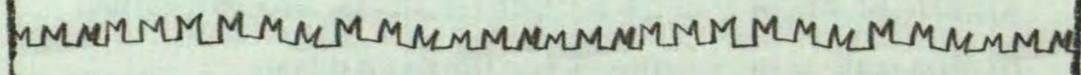
То ли я Прокопку, то ли он меня перебросил через жердь, на которой когда-то висела оленья шкура. Косы наши оказались переплетенными, и мы висели на этой жерди, не доставая ногами до земли. Кто-то разрубил топором узел наших связанных кос. Прокопка упал на землю, а я очутился на спине молодой важенки, которая потащила меня, не помню куда.

Это вода из сорока мухоморов на какое-то время отобрала у меня ум.

Ну, прямо систый смех, че было со мной!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАРОВОЗ

Перемены, связанные с призывом в армию по случаю начала Великой Отечественной войны, ввели меня в оторопь. Но я быстро сообразил что к чему и, как многие, отправился громить германских фашистов.

Там, на войне, бывали со мной разные случаи. Стоит признаться, что при всей моей смекалке, ловкости и хитрости лиха я хватил немало, но, благодаря Торуму, остался жив. От взрывов снарядов, огня и пожарищ, когда, казалось, земля смешивается с небом, из головы вылетели многие приключения. И только по прошествии лет ко мне мало-помалу воротилась память.

Вспомнил, что, увидев первый раз паровоз, я побежал по рельсам, как напуганный олень. Не знаю, сколько времени бежал, но помню, что поднялся сильный ветер. Скорее всего, он прилетел из наших мест и, по-свойски подхватив меня, забросил на крышу одного из вагонов.

Лежу я на крыше, гляжу на небо. Облака плыли, как мне показалось, в нашу сторону. Так хотелось вскочить на облако, но я не смог. Паровоз бежал,

фыркал дымом, рельсы грохотали, и у меня в голове стоял шум.

Вдруг увидел: в небе летят большие черные птицы. Я таких отроду не видел — самолетами называются. Вижу: из них черные яйца на землю посыпались, бомбами называются. Только успел подумать: как будут в воздухе птенцы выпариваться, а черные-то яйца коснулись земли да как бабахнули! Затряслась земля, загорелись деревья и травы.

Я успел вскочить на летевшую к крыше вагона бомбу и закричал: «Поворачивай, дура, обратно!», она и полетела за самолетом, да как даст со всей силы по крылу, оно и переломилось. А я обхватил бомбу руками и опять кричу: «Догоняй другую черную птицу!», и начала бомба догонять и сбивать самолеты.

С высоты вижу: паровоз остановился, стоит на рельсах, пыхтит, пары пускает, а сдвинуться с места не может. Я подлетел на бомбе (заряд-то успел выбросить!), прицепился тросом за трубу паровоза и потащил его по рельсам. Тут опять подхватил меня ветер, оттащил в сторону, и очутился я сидящим на дереве. Дерево незнакомое — на нем вместо кедровых шишек красные шарики растут — яблоками называются.

Я их никогда не ел, но голод — не тетка, попробовал. Понравились. Так на том дереве просидел я дней пять в раздумьях, а потом пошел искать паровоз.

Увидев меня, машинист стал просить сесть вместо него и вести паровоз дальше, к фронту, но я наотрез отказался.

ТЫНЗЯН

Признаюсь: я мало что помню о военных событиях. Их было так много, и таких кровопролитных, что страшно рассказывать маленьким детям. Я умудрился выбросить их из своей головы, но кое-что помню.

Вспоминается мне переправа через реку Днепр, такую же могучую, как наша Обь. В ту пору я служил в разведке. Задание дали: во что бы то ни стало достать «языка»! Я, не раздумывая, ударился головой о колесо пушки и тут же превратился в селезня. Плыл днем, нырял, старался попадать под гребни волн и к вечеру доплыл до вражеской стороны.

А немчуры там было, как комаров на болоте. Все высмотрел, запомнил, что надо. Вернулся к своим,

доложил все чин по чину. Не забыл сказать, что по берегам растут камыши выше человеческого роста.

Ночью с группой разведчиков переплыли реку, затаились в камышах. Я смекалистый, вспомнил, как арканом ловил в стаде оленей. Недолго думая, достал из кармана нож, нарезал травы и стал плести из нее веревку с петлей на конце. У нас дома ее тынзяном зовут.

Как только стемнело, я с товарищами, раздвигая камыши, пополз к передовым позициям противника. Ползу, тащу с собой сплетенный тынзян. Земля мокрая, камыши сырые. Вся одежда промокла, но об этом солдату думать некогда.

Видим, костер горит, немцы возле него греются, по-своему что-то лопочут, у всех пулеметы в руках — не подойти. Стрельба начнется — тогда все дело провалено.

Я присмотрелся к пузатому фашисту, который стоял ближе всех к камышам, размахнулся со всей силы и бросил тынзян. Просвистев в воздухе, он опоясал толстобрюхого фашиста. Тот с перепугу только крякнул, задергал ногами, а я его к себе подволок, натолкал ему в рот травы и потащил.

Тут и товарищи подоспели. Притащили «языка» в штаб.

Вскорости наши орудия открыли такую стрельбу, что дым пожарищ закрыл все небо. О заарканенном мною «языке» долго говорили на передовой, искали находчивого солдата, но я человек скромный, об этом никому не рассказывал. Вот первый раз перед вами только обмолвился.

На фронте и не такое бывало!

СТРЕЛА ИЗ КАРМАНА

Как известно, на войне нет времени путешествовать, но я иногда превращался в какое-нибудь животное или птицу и совершал небольшие путешествия, хотя это было небезопасно, к тому же надо было соблюдать воинскую дисциплину.

Однажды, когда мы уже выгнали захватчиков с русской земли, победоносно освобождали страны Европы, я шибко затосковал о родном крае. То ли в Румынии, то ли в Венгрии я услышал в небе гогот гусей и догадался: летят они на мою родину. Не раздумывая, ударился головой о землю, обернулся гусем и прибился к стае. Долго летели, на озерах отдыхали, кормились, а я все дивился:

как далеко наша северная сторона! И вдруг меня будто молнией ударило: как же я посмел передовую оставить? У меня от страха даже все перья с груди выпали. Как там без меня обойдутся? Ведь скоро надо брать Берлин!

Полетел обратно. А там такие бои! Самолеты бомбят, танки грохочут, пушки, пулеметы строчат безостановочно, крушат все на своем пути. Я кружу в небе, своих товарищей найти не могу. Пушечный снаряд перебил мне крыло. Я потерял силу, начал снижаться и ударился головой о гусеницу танка, сразу стал Ерофеем Анямовым. Тут и подхватили меня товарищи.

Опомнился, огляделся вокруг, а впереди большущий город — дома, похожие на горы. Из окон строчат пулеметы, бьют зенитки, пламя и дым, стоны и крики: «Рейхстаг, рейхстаг!» — слышу со всех сторон голоса. Не знал я, что это главный дом Германии.

А пулеметы с крыш строчат не переставая. Никто к ним приступа нет. Тут и вспомнил я про костяной наконечник от своей стрелы, сделанный из дерева моего зуба. Засунул руку в карман, нащупал, и, не знаю — откуда, там очутился мой охотничий лук. А из лука я стреляю без промаха! Прицелился, и

пущенная стрела стала валить наповал всех пулеметчиков, засевших на крыше рейхстага. Скоро смолкла стрельба. Все закричали «Ура!», и я тоже. Не мог же я хвалиться, что это была стрела, сделанная из моего зуба. Не такой я человек.

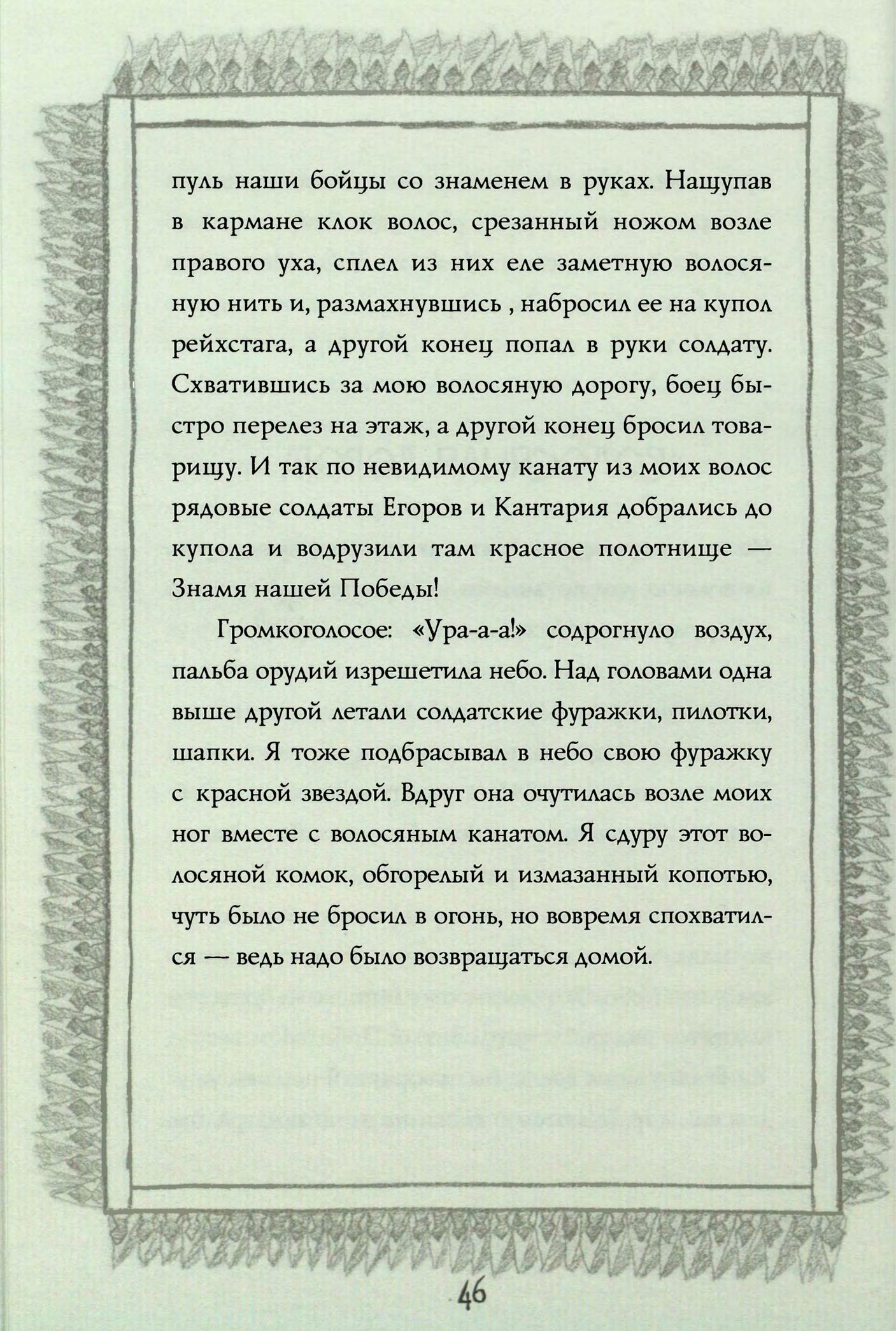
ВОЛОСЯНАЯ ДОРОГА

Не все, наверное, знают, что по вогульскому поверью из волос с головы можно выстроить дорогу хоть к Торуму, хоть в Нижний мир.

— Я на всякий случай сберег клочок волос, когда дрался с шаманом Прокопкой. Меня ведь, как и всех новобранцев, призванных в армию, обрили наголо. Плакали мои волосы! Но я умудрился взять с собой крохотный пучок, про который давно забыл. Оказалось, что мои волосы пригодились.

Война уже шла к концу. Немецкий рейхстаг полыхал, пламя добиралось до купола, тучи дыма закрыли небо. Все жили ожиданием — увидеть поднятое над рейхстагом Знамя Победы!

Глаза у меня всегда были зоркие. Я первым увидел, как карабкаются с этажа на этаж под градом

пуль наши бойцы со знаменем в руках. Нашупав в кармане клочок волос, срезанный ножом возле правого уха, сплел из них еле заметную волосяную нить и, размахнувшись, набросил ее на купол рейхстага, а другой конец попал в руки солдату. Схватившись за мою волосяную дорожку, боец быстро перелез на этаж, а другой конец бросил товарищу. И так по невидимому канату из моих волос рядовые солдаты Егоров и Кантария добрались до купола и водрузили там красное полотнище — Знамя нашей Победы!

Громкоголосое: «Ура-а-а!» содрогнуло воздух, пальба орудий изрешетила небо. Над головами одна выше другой летали солдатские фуражки, пилотки, шапки. Я тоже подбрасывал в небо свою фуражку с красной звездой. Вдруг она очутилась возле моих ног вместе с волосяным канатом. Я сдуру этот волосяной комочек, обгорелый и измазанный копотью, чуть было не бросил в огонь, но вовремя спохватился — ведь надо было возвращаться домой.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Незадача, конечно, вышла: на парад Победы я опоздал. Кажись, много молока выпил, брюхо заболело. Когда оказался в Москве, даже испугался: народищу там как мурашей в муравейнике. Пожалуй, больше, чем деревьев в нашем бескрайнем Елизаровском бору.

Дошел до Красной площади, когда маршал Жуков мимо меня на белом коне проезжал. Я только успел ему честь отдать.

Иду по площади, задумался и вдруг слышу: «Рядовой Ерофей Анямов, подойдите ко мне!» Сами понимаете, удивился. Кто меня в Москве знает?

Иду и вижу: сам Клементий Ефремович Ворошилов возле Кремлевской стены картошку окучивает. Я глазам своим не поверил, а он мне машет рукой. Подхожу.

— Че, солдат, на парад опоздал? — спрашивает. Я боюсь на него взглянуть. Знаете ведь, кто такой Ворошилов. Товарищ Ворошилов — народный комиссар...

Я четко ответил:

— Так точно!

А он мне:

— Ниче. Парадов еще много будет. Главное — фашистов разбили. С Победой тебя! Откудова родом?

— Из Сибири, — ответил. — С Югорской земли.

— Ну-у-у-у! — протянул. — Сибиряки — народ храбрый.

Поднял я голову, взглянул, а он стоит весь в орденах и ремнях, как наш колхозный жеребец, и спрашивает: ты картошку окучивать умеешь?

— Запросто! — бойко ответил я и хотел уже взять из его рук тяпку, но он не позволил. Поставил тяпку возле Кремлевской стены и говорит:

— Пойдем, солдат Анямов, к Сталину чай пить.

Я испугался, слова сказать не мог, только головой кивнул в знак согласия. И повел меня Ворошилов к самому Сталину чай пить...

Ну, тут уж прямо сисый смех!

В ГОСТЯХ У СТАЛИНА

Всем известно, человек я не трусливый, но когда согласился с Ворошиловым к Сталину идти чай пить, напала на меня оторопь: коленки подкосились, ноги задрожали, но я виду не подал.

Идем, разговариваем, подошли к кремлевским воротам: Везде часовые стоят. Ворошилов говорит им:

— Это рядовой Ерофей Анямов, с ним к товарищу Сталину чай пить идем, — а сам меня вперед себя в кремлевские ворота толкает... Я в Кремле не бывал, дороги не знаю. Нашупал в кармане волосяной клубок, бросил впереди себя. Он пополз по ограде, по настилу, по ступенькам. Клубок-то малехонький, никто, кроме меня, не замечает. Возле дверей Ворошилов догнал, запыхался, пот с лица вытирает. Постояли немного. Тут Ворошилов нажал какую-то пуговку, звонок послышался, дверь сама распахнулась.

Впереди коридор длинный, по нему дорожка ковровая тянется, по сторонам солдаты стоят, не шелохнутся, как неживые, только глазами моргают. Идем, под ногами половицы скрипят. Тишина. Только слышно, как бабы по машинкам пальцами тычут.

Заходим в большущий кабинет. Стол длинный, и стульев полно — сосчитать не успел. Вижу, за столом человек сидит. Я сразу узнал Сталина — столько портретов висит везде! Сидит, трубку курит, дым кольцами пускает.

Ворошилов так запросто говорит ему:

— Вот привел к тебе рядового Ерофея Анямова — рыбака, охотника из Сибири.

Я отдал честь, смотрю на стол, чайник стоит, а даже куска хлеба нету. С чем чай пить?

Я достал из кармана червонец, подал Ворошилову. Он сразу смекнул че к чему — побежал за хлебом.

В это время Сталин встал из-за стола, стал прохаживаться по кабинету от стены до стены. Ходит, курит, сапоги блестят, и спрашивает:

— Это из ваших рек привозят мне сосьвинскую селедку?

Я обрадовался, закивал головой:

— У нас не только в реке Сосьве, но и в Лозьве водится такая серебряная рыбка! Этакая вкуснятина! Царская рыбка!

Он хотел еще о чем-то спросить меня, но в кабинет, запыхавшись, вошел Ворошилов. Видно, ему хлеб дали без очереди. Сели, стали пить чай. Горя-

чий чай, смородиновым листом пахнет. Я сижу, молчу и чувствую, Ворошилов меня локтем в бок тычет. Я ничего понять не могу, он приклонился к уху, шепнул:

— Уходить пора. Скоро все генералы к Сталину собираться станут.

Я понятливый, сразу встал из-за стола, распрощался со Сталиным. Он руку мне пожал. Так и расстались. Я дух перевел, только когда оказался за кремлевскими воротами. Сам не знаю, отчего меня пот прошиб!

Ну, прямо систый смех!

ОРДЕНА В КОРОБКЕ

— Потому как я храбро воевал, — моим наградам нету счета! Все они у меня в коробке в охотничьей избушке лежат, — говорил Ерофей, когда видел у возвращавшихся с войны мужиков полную грудь в оренах.

— Вы же не знаете, какие они тяжелые! Мне их сам Михаил Иванович надевал, когда я в Кремле был. В тот день, простившись с Ворошиловым,

шел я по коридору, все думал о встрече со Сталиным. Вдруг проходивший мимо небольшой человек с длинной бородкой окликнул меня:

— Рядовой Анямов, приветствую вас!

Я сразу узнал в нем Михаила Ивановича Калинина — Всесоюзного старосту.

— Че у вас так мало медалей на гимнастерке? — спрашивает.

Я сразу не нашелся что ответить, пожал плечами.

— Пройдемте со мной, — сказал Михаил Иванович. Я пошел за ним. Подошли к двери, обитой железом, он открыл ее, включил свет. И вижу я кабинет длиннющий, а по стенам все железные шкафы прибиты. Достал он из кармана большую связку ключей и стал открывать шкафы.

Открыл один шкаф, а там коробки с орденами Красной звезды. Он достал коробку, вынул орден и — бац! мне прямо на гимнастерку, и дальше пошел. Я за ним. Открыл другой шкаф — там орден Суворова. Бац — мене на грудь! И молчком открыл другой. А там медаль «За отвагу!» И ее нацепил мене на гимнастерку. Столько навесил наград, что я еле на ногах стоял.

Посмотрел на меня и говорит:

— Это тебе за геройство!

И пошел по своим делам. Вот все мои ордена и медали лежат у меня в избушке, в берестяной коробке.

Однажды увидел возле избушки сороку. Сидит она на ветке, а в клюве у нее что-то блеснуло. Пригляделся, а это медаль «За храбрость!». Вытащила воровка из коробки и летает.

Я как заорал: «Отдай, воровка, главную солдатскую награду!» А она поднялась на крыло и полетела. Я — за ней, думаю: обронит куда-нибудь в болото или озеро. Разве найдешь? Стрелять в воровку хотел, да жалко ее. Сороки в наших местах редкие гости. Кричу ей: «Клади медаль на кочку, или пристрелю!» Она, видать, поняла: залетела в сосновый бор, бросила медаль возле пенька, а сама потерялась из виду.

Взял я ту медаль и опять положил в коробку.

ВСТРЕЧА С БЫКОМ

После встречи с Михаилом Ивановичем Калиным от тяжести орденов и медалей я шел, еле передвигая ноги. Немного подумав, решил скоротать дорогу и оказался на широком лугу. Увидел вдали

коровье стадо, обрадовался. Давно вблизи коров не видал. Иду, медали на гимнастике, ударяясь друг о дружку, звенят. На небе ни облачка, в траве кузнечики стрекочут, тишина. И вижу — от стада отделился бык, бежит в мою сторону. Бык здоровенный, рога вразлет, ноздри раздулись, глаза кровью налиты.

Ну, думаю: конец тебе пришел, Ерофей Анямов! На фронте от пуль спасся, а тут придется погибнуть на бычьих рогах! Силища-то у него невероятная!

Испугался я. И надо же! В это время в голову не приходит ни одной путной мысли. Всем ведь известно: ударься я башкой о землю — и тут же превратился бы хоть в птицу, хоть в зверька, а я остолбенел.

А бык подбежал, захрапел, копытами стал землю грести, да вдруг как грохнется передо мной на колени, мычит и говорит человеческим голосом: «Поклон тебе, герой Ерофей Анямов! Столько наград ни у кого нету».

Я собственным ушам не поверил, да как пустился бежать через все поле — только пятки сверкали. Лишь когда через городьбу перепрыгнул да ударился головой о ствол березы, вроде память вернулась. Оглянулся назад, а бык все еще стоит на коленях и мычит. И тут я вздохнул с облегчением.

БАБА ИС ПЕРЛИНА

По своей волосяной дороге я мчался домой, обгоняя птиц. Останавливался только на пристанях, куда к берегам причаливали пароходы. Там всегда много народу.

Ясное дело — передо мной все расступались, увидев на гимнастерке ордена и медали. Я только и слышал: «Вот те парень! Вот те жених!» И смотрели все на меня такими ласковыми глазами, что сердце от радости замирало.

«А не жениться ли?» — мелькнула мысль. Стал я присматриваться. Девушки все красивые, не то что там, в чужой стороне. А я, если честно признаться, не умел с ними разговаривать. Сами знаете, все время в походах, да с приключениями! А там смекалка да ловкость нужны. Голова делами забита — не до женитьбы было. Рассказал я про свою робость перед девушками старому рыбаку — Фильке Пёршину. Он захохотал и говорит: «А че с ними разговаривать? Посади любую, какая приглянется, в облас и плыви с ней домой».

— Отца-мать надо спросить! — сказал я.

— Да ты че? В деревнях-то мужиков нету. Кто на войне сгинул, кто искалечен, а ты бравый такой! За тебя каждая пойдет, ты только свистни.

Я и осмелел. Высмотрел, какая покрасивше. Ею оказалась, на мой взгляд, Дарья Курикова — охотница из дальнего пауля. Я, долго не разговаривая, посадил ее в облас и оттолкнулся веслом от берега. Она не противилась, а мать только рукой помахала.

В соседнем пауле меня как героя встречали, а в мой родной пауль Манью позвонили: мол, встречайте героя войны Ерофея Анямова! Не один, а с бабой в обласе приплывет.

А мы задержались. Пока с Дарьей гуляли да игрища возле священного дерева справляли, — снег повалил, и зима пришла! Я не стал просить коня у сородичей, знал — они за войну и так обнищали.

А пока моя Дарья спала, я по волосяной дороге сбегал за Камень и примчался от русских на вороном коне. Увидев его, все только ахнули.

Запрягли нам коня в сани — розвальни. Возле пауля я пришпорил коня, и с разбегу мы с Дарьей очутились на середине своего пауля. Я, не будь дураком, кричу во все горло: «Бабу ис Перлина привес! Ис Перлина!» А они понять ничего не могут, откуда

им знать, что главный город в Германии — Перлин! Все ахали, признавали Дарью за свою, но стали звать ее бабой ис Перлина. Хотя шушукались, что совсем деревенская.

Мне стало обидно, что она ничем не отличается от деревенских баб. Пришлось мне по волосяной дороге побывать в Перлине, привести оттуда разной пахучей воды, губной помады да пудры и купить шляпу с пером. Только Дарья все это в огонь бросила.

Я немного поругал ее, но скоро мы помирились и ушли на обласе в мою избушку.

И теперь там живем да гостей зовем. Может, приедете? Места всем хватит.

Однажды, облетая на спине селезня Манинское озеро, я увидел Савку Самбиндалова, который рубил топором чью-то охотничью закладку.

— Ты че делаешь? — закричал я с высоты. А он будто не слышит.

Все знали, Савка ленивый и злой, как голодный тундровый волк, потому что потерял своих

РЕЗИНОВОЕ ГОРЛО

олений: то ли они разбрелись по болотам, то ли волки в холодную зиму их съели. А без оленя — человек сирота!

«Меньше бы на шкурах валялся да не пил «огненную» воду!» — говорили ему старики, но он никого не слушал, а тем, кто говорил ему такие слова, разные пакости делал: кому лодку топором перерубит, у кого сети порвет или чум сожжет. Плохим человеком был Савка.

Я ссориться не люблю. Соскочив со спины селезня, хотел отобрать у него топор, но он размахнулся и отрубил мне руку.

— Ты че, сдурел? — закричал я. — Как жить без руки?

Раздумывать было некогда. Я быстро поднял с земли руку, приложил к локтю, обмазал сосновой смолой, обмотал березовой корой, и она прилипла к своему месту.

Увидев это, Савка закричал:

— Шайтан! Шайтан! Ты и на войне-то не был! У тебя ни одной царапинки нет, — старался он разозлить меня.

Тут меня обида взяла. К тому времени у меня уже длинные волосы отросли (Дарья еще не успела

заплести мне косы) и закрывали на шее шрамы от чирьев, которые мучили меня всю зиму.

— А ты знаешь, что горло-то у меня резиновое? — закричал я Савке и стал показывать ему шрамы на шее. — Видишь, какая дыра была! — И, с силой выдернув свое горло, стал хлестать им Савку, приговаривая: «У миня горла-то давно нету. Резина тама одна!»

Савка обомлел, хотел схватиться за мое горло.

Ладно, селезень далеко не улетел, зацепил лапами Савку за волосы, приподнял и начал таскать по озеру. Только к вечеру вытащил из воды.

С испугу Савка побежал в пауль и стал кричать: «У Ерофея-то Анямова горло резиновое! Сам видел, горло резиновое! А вы и не знали!»

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Уже дули холодные ветры, мороз оголил деревья, повалил травы, а снега все не было.

Я тоже был в ожидании снега, но скоро мое терпение лопнуло. И я, отбросив щепетильность, закричал Торуму: «Спускай цепь! Всем на охоту пора!»

Долго ждать не пришлось. Золотая цепь стала спускаться с неба, загремела, засверкала на солнце. Я быстро схватился за нее и стал подниматься до первых облаков. Достал из кармана нож и стал разрезать облака вдоль и поперек. На землю хлопьями повалил снег. С высоты мне видно было, как радовались сородичи. Я тоже заторопился на землю.

Цепь спускалась медленно. Видно было по всему, что Торум не хотел расставаться со мной.

Когда я стал приближаться к земле, то увидел большие костры, разожженные посередине пауля, и понял: люди собрались справить праздник по случаю начала охоты. Бабы нарядились в новые малицы, расшитые узорами, в цветастые платки с большими каймами. Ребятишки бегали вокруг пригнанных с пастбищ оленей, барахтались в снегу с веселыми собаками. Тихо перебирал струны санквольтапа

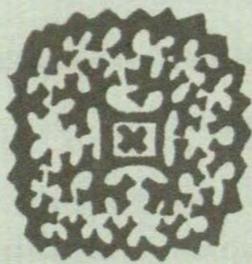
слепой старик Нёрин, а его жена Нёриха тоненьким голосом тянула какой-то тоскливый напев.

Никто не знал, что я обладаю необыкновенно красивым и звонким голосом. И запел я песню «Темная ночь».

Все присмирели, стоило мне только издать первый звук.

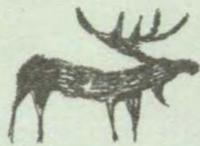
— В темную ночь, — запел я, — только пули свистят, один пуля попал в провода, а другая всю ночь до утра за солдатом гонялся...

От моего пения заскулили собаки, замычали олени, и даже заржал конь, которого купили для жертвоприношения. А бабы утирались слезами, вспоминая невернувшихся с войны сородичей, и просили, чтобы я еще раз пропел им песню про темную ночь.

МЕСТНЫЕ СЛОВА

Бродни	обувь, сшитая из лосиных и оленьих кож.
Векша	рыжая летняя белка.
Вычкарь	вывороченное с корнем дерево.
Колданка	верткая долбленая лодка.
Лузан	сшитая из войлока верхняя одежда.
Облас	лодка, выдолбленная из ствола дерева.
Памасибо	спасибо.
Пасе, рума	здравствуй, друг.
Пауль	стойбище.
Поволоки	лыжи, обитые мехом из лосиных или оленьих кож.
Санквольтап	музыкальный инструмент.
Сухара	дерево, высохшее на корню.
Тамга	клеймо, талисман, священный родовой знак.
Торум	небесный Бог.
Тынзян	аркан для ловли оленей.
Хозяин	медведь.
Чум	переносное жилище, консообразная палатка из бересты или шкур.
Шаман	знахарь, совершающий обряд ворожбы.

СОДЕРЖАНИЕ

Уважаемые читатели! . . . 5	Наконечники для стрел . 33
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 12	Лайка. 35
Повернутые горы 13	Вода из сорока мухоморов 36
Встреча с осетром. . . . 15	Часть вторая 38
Пляшущие стерлядки . . 16	Паровоз 39
Выводок утят. 18	Тынзян 41
Как лося 19	Стрела из кармана . . . 43
Из болота вытащил . . . 19	Волосная дорога 45
Золотая цепь, 21	Красная площадь 47
Спущенная с неба 21	В гостях у сталина 49
Как гуси чум перетаскивали 22	Ордена в коробке 51
Паутинные крылья 24	Встреча с быком. 53
Медведь в избушке 26	Баба ис перлина 55
Встреча 27	Резиновое горло. 57
Пожар 29	Темная ночь 60
Как я зуб потерял 30	Местные слова. 62
Лисья шапка 32	

Анисимкова Маргарита
НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВОГУЛА ЕРОФЕЯ АНЯМОВА

Рассказы

Художник
Н.Г. Курач

Художественное оформление
А.А. Морозов

Координатор издания
Н.С. Сазонова

Редактор
М.Э. Чупрякова

Корректор
Т.В. Сергеенко

Верстка и предпечатная подготовка
И.М. Амромин

ООО «Издательский дом «ПАКРУС»
Представительство Ассоциации книгоиздателей России
по Уралу и Сибири
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24
Тел.: (343) 356-55-49
Лицензия на издательскую деятельность № 071939 от 14.07.99

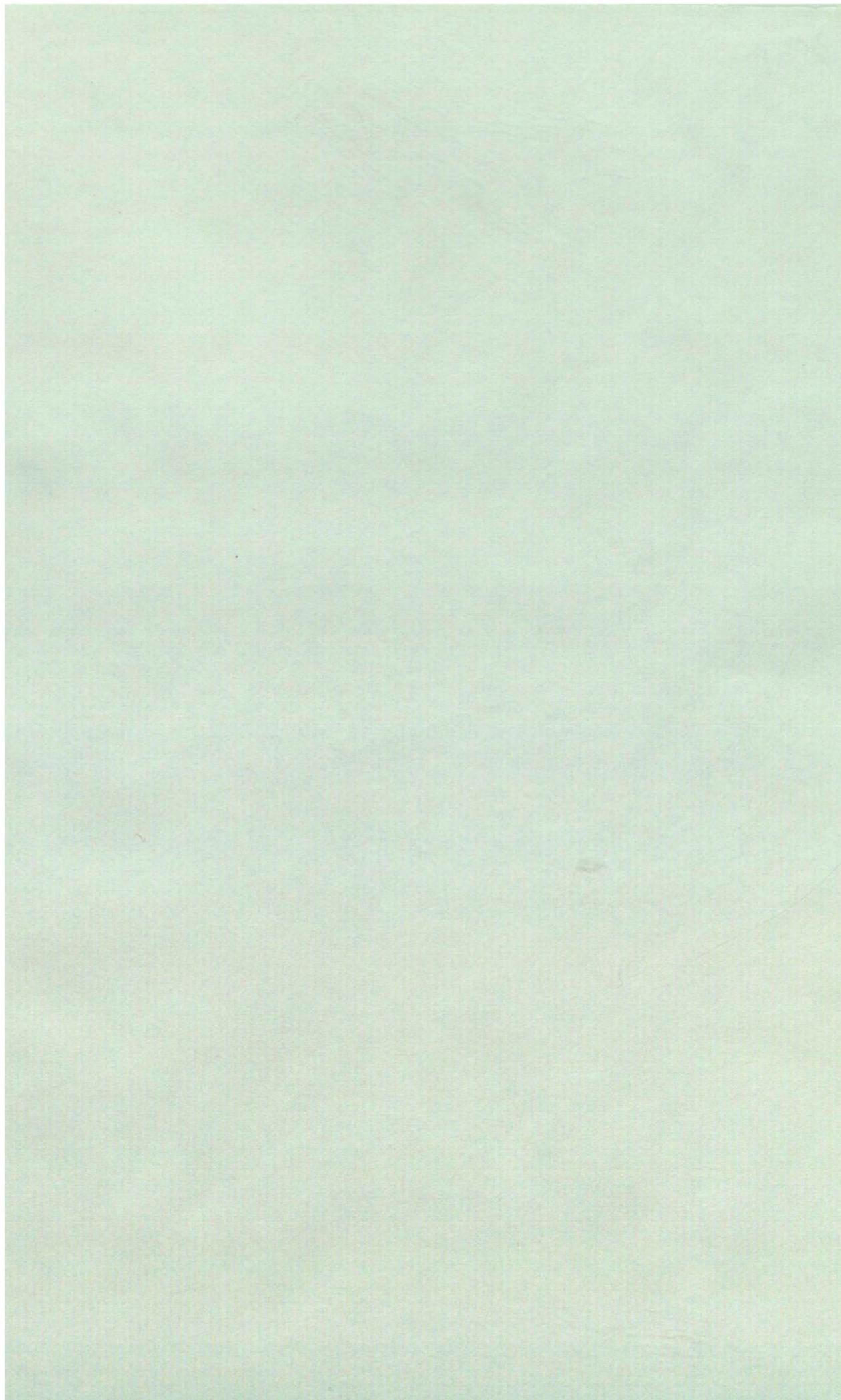
Формат 60x90 ¹/₁₆. Подписано в печать 01.12.2010.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 906.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, Екатеринбург, Тургенева, 13.
www.uralprint.ru

ISBN 978-5-91700-003-9

9 785917 000039

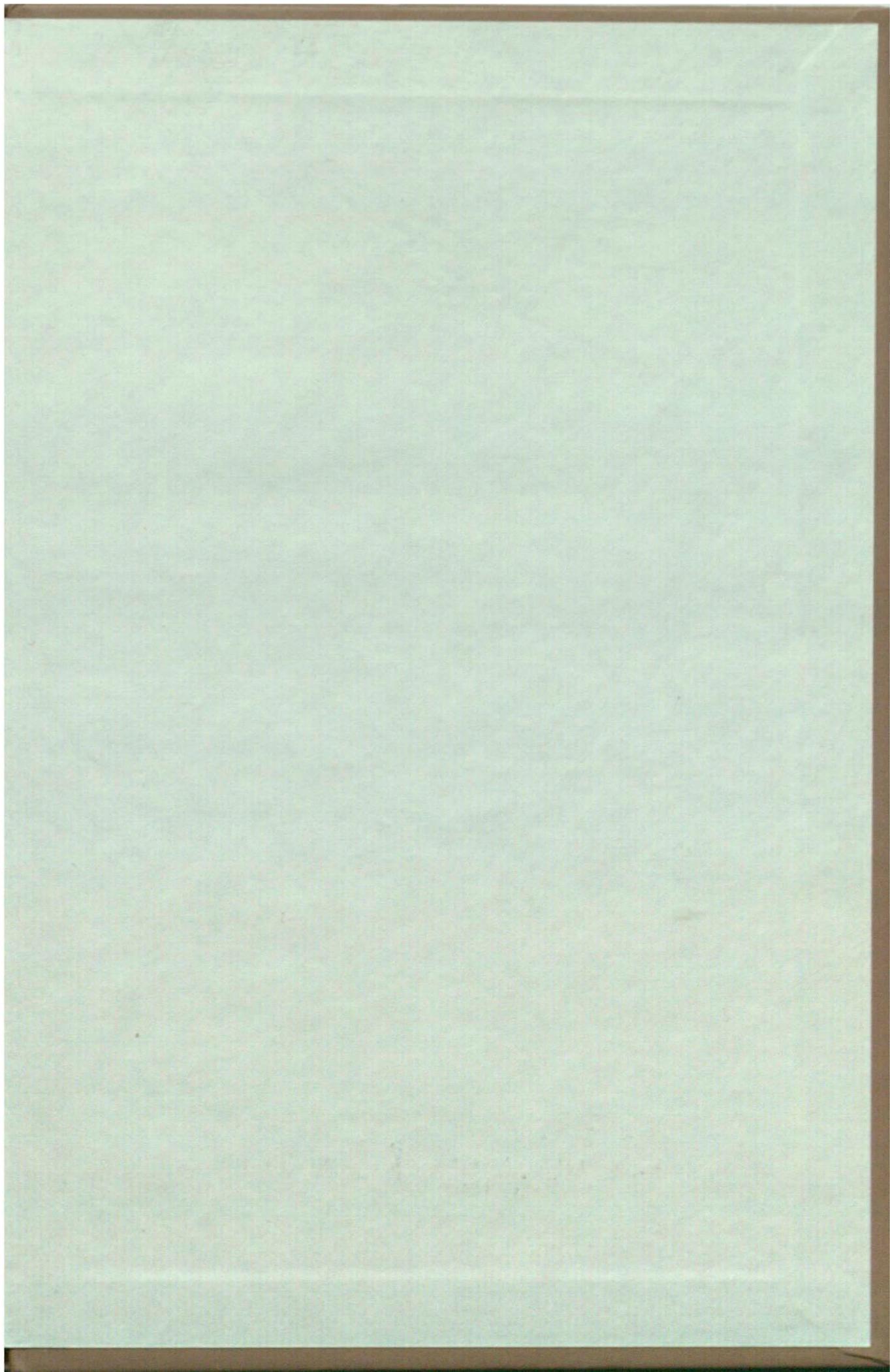

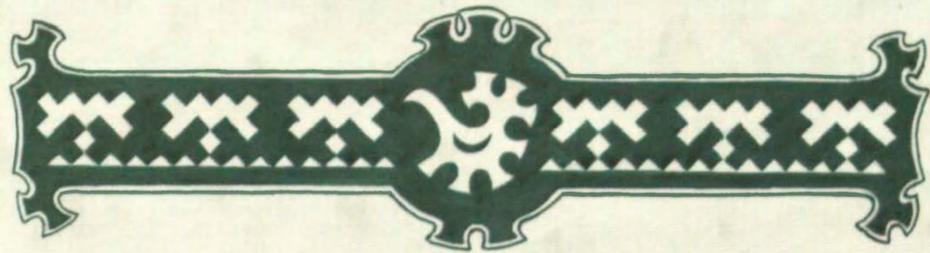
300 p.

BIS NIZHNEVARTOVSK

29 1963 1060

Издательский дом «Пакрус»
Екатеринбург

